

Aura Thoth

Фрэш Органс

ЭХО ИЗ МЫ

Paradox Paralax

Aura Thoth

Фрэш Органс, Paradox Parallax

Научно-фантастическая история «Paradox Parallax» является уже третьим из одиннадцати анонсированных рассказов сборника «Корпорация Смерть», после «Кукольного Дома» и «Syntaxa».

За пределами пространства и времени начинается распределение «контента жизни» по Сингулярам. Каждый стремится отхватить свой собственный мир, иначе ему грозит вечность пребывать в пустоте. В этих условиях Domino Energies осуществляет благотворительность: некоторые части реальности оказываются в свободном доступе в Синтетических Колониях Skylights.

Реальные же мотивы компании заключаются в объединении всех модулей Сингуляров для создания Фатома, общего мира. Планам Domino препятствует Профессор, он решает прекратить искусственный Parallax.

Ждёт ли нас свобода в нематериальном мире или будет лучше, если она так и останется мечтой?

© Aura Thoth, 2023

Paradox Paralax

За пределами пространства и времени.

Сингуляр 31.

Симпатия грустно смотрела на Вундский Лес.

— Когда-то у нас был целый мир, Невозможный, но Настоящий. И вот, что нам осталось от всего. Наша часть, наше «всё». Действия, места, сцены, заключённые в жизнь. Эпизоды, картины и лица, которыми нам дали быть.

Гарант Сингуляра наконец-то утвердили. Симпатия и Срах впервые получили свой собственный мир. Их раздавали всем, свои собственные миры, Сингуляры, закрытые, запечатанные, они хранили мечты, каждый свои, вдали от чужих и других, таких же закрытых миров.

— Вот всё, что мы сможем увидеть, всё, что сможем прожить, всё, чему быть. Другого не будет. Здесь вся наша жизнь.

Стена Слика, окружавшая Сингуляр, продолжала

оставаться прозрачной, за её пределами не было практически ничего. Проносились Воланы, по привычке кто-то ещё продолжал путешествовать по Колониям, всё ещё Синтетические Колонии Skylights вызывали интерес.

Свои миры, Сингуляры, редко принимали посетителей, да и мало кто решался отправиться в чужой мир. У каждой мечты есть Хозяин, один, кто захочет быть гостем без права решать.

Искусственный Paralah поддерживают две Платформы Abadon, собственность корпорации Domino Energies. Начало, конец, начало и так без конца. Корпорация Смерть умерла, оставив нам лучшее «после», Domino Energies. Изменилось название мира, в котором каждый мог обнаружить себя. Невозможные Миры обрели статус Колоний, заметить разницу между искусственным и настоящим Parалахом мы не смогли, возможно, конечно, это от того, что сравнивать не с чем, но мы живы, мы здесь, и какая разница, как называется место, ставшее для нас домом. Какое есть.

Колонии Skylights открыты для всех, похожи на тематические парки отдыха и развлечений. К жизни перестали относиться серьёзно. Возможно всё. Выбери мир, выбери себя, и живи, надоест, измени. Мечты превратились в завтра и вчера, это всего лишь

технический процесс, разрешения, одобрения, очередь ожидания, и наконец, получи, что просил, и спокойно наслаждайся новым собой, с сохранением предыдущих вероянгов или без, никому нет дела, кем ты будешь и как живёшь, каждый занят выбором своей мечты.

Общего осталось немного, того, что предложено к выбору и доступно всем, меньше половины исходных модулей, от всего, что имел Настоящий Мир. Как такое могло произойти!

Предложено к выбору и доступно всем, что это значит? Это акты, которые можно иметь, о них можно узнать и подумать, их можно бояться или хотеть, при определённых обстоятельствах, исключительно технических, любой желающий имеет доступ ко всем открытым Casusам Платформы Abadon. В очередь за мечтами! Всё почти хорошо, потому что остальное уже успели поделить.

Оставшиеся исходные коды признаны собственными. Они закрыты и недоступны для всех. Всё общее можно прожить, захотеть, посмотреть в любой Колонии Skylights. Собственные миры, Сингуляры, надёжно скрывают то некогда общее, что теперь называют своим. Колонии заметно опустели. Каждый торопится ухватить свой кусок от всего, пока раздают, бери.

Процедура простая, надо лишь доказать, что мечта или Casus должны принадлежать только тебе. По Колониям путешествуют те, кто не успел получить Гарант на свой собственный Сингуляр, в поисках своей мечты. Уже не из чего выбирать, так казалось и раньше, и будет казаться всегда, пока остаётся хоть что-то, на что можно претендовать.

Ничто не происходит случайно, само по себе или просто так, цель всегда есть. Мы либо не видим, либо нам намеренно не показывают её. Настоящего Мира больше нет. Мы сами прекратили его. А как ещё можно было бы поделить и разделить всё. В Настоящем Мире это сделать невозможно. Другое дело искусственный Parallax. Здесь возможно что угодно. Для того и уничтожили Настоящий Мир, чтобы его наконец-то раздать.

Каждый получит своё. Общего не останется и не будет. End of. Мы разобьём это «всё», и каждому отдадим свой осколок, свою часть от всего.

Симпатия обошла Сингуляр. Слик медленно исчезал, покрываясь стеклянной плёнкой. Симпатия постучала по стенке.

— О, уже твёрдая. Теперь без разрешения мы не сможем покинуть этот наш мир.

Срах крутил головой во все стороны.

— На что ты смотришь? Здесь же совсем пусто. Надо найти маяк.

Сингуляр не имел ничего. Его Гарант только выдали, а вместе с ним исходные модули, ту часть от общего, от всего, что останется здесь, для закрытого просмотра и использования, но прежде предстояло эти модули запустить. До тех пор Сингуляр не имел картины себя.

Симпатия рассматривала стекляшки разного цвета.

— Мы увидим не всё, а лишь то, что должны, и не сможем увидеть другое.

Срах уже шёл куда-то вперёд.

— Зачем ты делаешь вид, что идёшь? Мы же стоим на месте, здесь нет ничего.

Срах побежал. Симпатия побежала за ним.

— И куда мы торопимся?

Срах молчал. Он крутил головой по сторонам. Где-то вдали показалось небольшое едва различимое яркое пятно. Оно то появлялось, то исчезало, не увеличиваясь в своих размерах, но становилось ярче. Вскоре Срах и Симпатия стояли перед огромной башней удивительной

высоты. Казалось она уходила в самое небо, хотя неба и не было, вокруг простиралась самая пустая и отсутствующая пустота. Срах обошёл башню в поисках входа. Симпатия заметила надпись.

— Тридцать один. Это что, наш маяк?

Каждый Сингуляр имеет маяк. Он освещает, что заложено исходными модулями. Стеклашки разного цвета, фильтр, через который освещён видимый мир. Каждый Сингуляр видит не всё, а лишь отсеянное через это стекло. Можно изменить модули, фильтр, но один маяк якобы может включать одновременно модули одного цвета, их много, сколько частей и осколков, и каждый модуль видит свой мир лишь с одной, выделенной и ограниченной стороны. Срах и Симпатия стояли на самом верху внутри башни маяка. Срах перебирал исходные модули.

— Этот, белый, номер тридцать один. Здесь наш мир, если ты хочешь увидеть Вундский Лес.

Симпатия схватила стекляшку белого цвета.

— Вундский Лес! — вскрикнула она. — И Профессор? Я надеюсь, здесь полная версия Леса, со всеми событиями и местами!

Срах забрал у Симпатии фильтр и поместил его в

разъём.

— Здесь должно быть всё.

Симпатия постояла у окна, но не дождавшись ничего, побежала вниз. Она выбежала из башни, пристально всматриваясь в пустоту. Симпатия осторожно сделала несколько неуверенных шагов вперёд, размахивая руками, будто пыталась кого-то или что-то схватить. Появились первые точки, они притягивались друг к другу, обрстая в образы, заметным вырисовывался Вундский Лес.

Симпатия подпрыгнула и закричала:

— Срах, где ты? Кажется, мы уже здесь!

Срах оставил модули других миров наверху, в башне, и спустился к Симпатии.

— Надеюсь, это наш Вундский Лес. Надо убедиться в этом до того, как появилось всё.

Симпатия знала Вундский Лес лучше других, и разбиралась во всех его вариантах, различая самые незначительные детали. Этот Лес не должен был иметь всё, только те части, что важны. Симпатия постоянно меняла дорогу.

— Всё странным образом перепутано. Не пойму, куда

надо идти.

Лес менял свои очертания, Симпатия искала тропинку, ведущую к Главному Зданию НИИ.

— Все эти маяки, только чтобы каждому дать свою часть от всего, свой собственный мир. Ты веришь, что Везде развалилось само?

Срах остановился, поднял голову и показал на Лунаторий.

— Надо собрать все модули света в одном маяке, в том, который находится в пустоте. У нас не должно быть столько маяков, которые освещают лишь части. Мы не должны быть разбиты на варианты себя и отдельные возможности, закрытые в разных бесконечных мирах. Надо собрать всё в одном месте и вернуть наше Везде. Таким задумывался мир. Только один маяк может одновременно включить все световые модули.

Симпатия с ужасом рассматривала Лунаторий.

— Если для нас тот мир ничего, пустота, как мы отправимся туда?

Срах продолжил идти.

— Все исходные модули должны быть включены не просто одновременно, а вместе, чтобы дать нам тот

свет, который покажет всю жизнь, а не её части. Маяков не должно быть много, это ошибка не должна была произойти.

Симпатия торопилась к Главному Корпусу.

— Никак не соображу, в какую сторону всё же идти, Вундский Лес сам не похож на себя.

Большая часть Леса отсутствовала, его сложно было узнать. От Главного Корпуса осталось несколько стен, лестница и около десяти дверей, пять из которых вели в никуда. Срах что-то неразборчивое всю дорогу бормотал. Это что-то касалось Везде. Он посмотрел на отсутствующее местами здание НИИ.

— С каждым разом оно становится меньше. Всё рассыпается. Осталось немного попыток, возможно, одна или две. Даже если так, следующий раз может оставить нас ни с чем.

Впрочем, отсутствовал в себе не только Вундский Лес, Срах и Симпатия тоже немного утратили от привычных себя. Симпатия поднялась по лестнице вверх.

— Мне не нужен весь Лес, только одна комната, даже если она будет висеть в воздухе, тебе не всё равно?

Дверь в комнату была приоткрыта. Симпатия сразу же

принялась искать журнал.

— Ничего не помню из того, что ты говоришь. Уверен, что это было с нами, здесь, или вообще? Везде развалилось. Да как или, когда оно успело появиться? Мы же только несколько Колоний открыли.

Срах откуда-то достал журнал и протянул его Симпатии.

— Как ты можешь всё помнить, если сейчас здесь ты не вся? Мы собираем Везде уже восьмой раз. Этот будет восьмой. Оно снова развалится и разлетится.

Симпатия открыла журнал, пролистала его до конца и закрыла.

— Глазам не могу поверить, а в голове пустота. Значит, мы уже отправлялись с тобой в Лунаторий, несколько раз, и все миры уже есть, но мы никак не можем объединить их в один.

Срах открыл журнал и добавил новую запись «Восьмой раз».

Симпатия удивилась.

— Зачем ты это нарисовал? Мы же ещё никуда не отправились! У нас даже модулей толком нет, всего ничего.

Спах спрятал журнал.

— Всё происходит слишком быстро. Потом будет не до этого.

Симпатия стояла у окна и смотрела на Лес. Покрытый пятнами и пробелами, он не имел постоянства себя.

— Где-то там есть другой Вундский Лес, в котором хранится другая часть от всего, другая жизнь, другой мир, другие мы, которые также не увидят всего. Здесь много теней, за которыми спрятано другое «своё», другие возможности и мечты, которые для нас закрыты, не освещены. Лунаторий не мог сломаться сам. Эту ошибку кто-то допустил, чтобы поделить весь мир. Они заберут у нас всё, что им нужно, и оставят нам остальное, чем они не хотят жить и быть. Ты придумал, как мы отправимся в пустоту? Как обычно? Это как?

Синтетическая Колония Skylights 53.

ДЕПО.

Слон чистил хиттеры. Малышка проверяла исходные модули.

— Сегодня последний аукцион. Нам нужны коды пятого маяка.

Слон отвлёкся.

— Знаешь, как достать песок? Наши карманы пусты.

Монстр Кей положил на стол небольшой мешок.

— Этого хватит. Пятый маяк не вызовет интереса, они отдадут его просто так, лишь бы избавить себя от всего, что скрывает этот исходный код.

Малышка высыпала песок на стол. Просто синяя пыль, бесценной была всегда, её никто прежде не ценил, теперь эта ценность не имела границ. Синий песок самая ценная пыль, именно на неё предстояло поменять часть мира под номером пять.

Слон и Малышка сели в кугель. Малышка включила Syntax и набрала пункт назначения «Сингуляр один».

Этот закрытый мир принадлежал Силам Света, первый собственный Сингуляр. Аукционы всегда проводились здесь. Очередная часть мира готова к продаже, хотя продавали не всё, некоторые исходные модули отдавали бесплатно. Несложно догадаться, какой контент имели подобные миры.

Все боялись остаться ни с чем. Пустые Сингуляры не редкость. Не так важно, как оказывается, характеризовать и оценивать «своё», ко всему можно привыкнуть, за исключением одного, пустоты. Жизнь в окружении ничего пугала всех. Брали всё, что могли. Этот аукцион обещал

стать последним. Весь мир разделили и растащили по Сингулярам.

Только собственность Domino Energies продолжала оставаться открытой. В Колониях Skylights часть своих исходных модулей Domino Energies оставила доступными для общего открытого пользования. Каждый сам решал, как распоряжаться своим.

За пределами пространства и времени мир отличался от настоящего. Время осталось напоминанием о невозможной жизни, когда её течение заставляло торопиться и ждать, опаздывать и не успевать без возможности нужный миг прожить заново или не отпускать. Никаких промежуточных треков. Искусственный Parallax отменил время как обязательный атрибут, неизбежное свойство бытия. Теперь это слово пустое, оставленное без значения, как сувенир, трофей.

В нём, в самом времени, не было смысла, мы преодолели этот барьер, очередной. Для каждого теперь оно имеет свой темп, скорость жизни у каждого объекта и события исключительно своя, определяется по желанию, переставить, поменять местами можно любой момент, последовательность жизни возвратна, необратимого и неповторимого больше нет. Встречаются в событиях, а не в датах календаря.

Пространство утратило привычную интенсивность. За пределами Синтетических Колоний Skylights и Сингуляров пустота. Сложно сказать, какую она имеет протяжённость и размеры, мир можно разобрать или до бесконечности создавать, открывать. Места прежде имели конкретный и постоянный адрес. Любой город оставался там, где его привыкли находить и искать. Этого тоже больше нет, адреса, координат. Есть названия и описания события, места, мира, и Syntax, разумеется, чтобы в это «здесь» и «сейчас» попасть.

Кугели и Воланы сквозь пустоту перемещают по разным местам, на деле между картинками окружающего вида они в пустом отсутствии фона ожидают разрешения, допуск присутствия в желаемое «туда».

Кугель ReUne погрузился в пустоту. Syntax запросил код доступа для посещения Сингуляра один. Ждать возможно вечность, в то время как совершенно любой мир мог в любой миг внезапно появиться из этого ничего. Жизнь закрыла глаза и открывала их для вас только в разрешённых формах и цветах.

Слон и Малышка ждали, проверка проходила как правило быстро. Включилась яркая стена Сингуляра один, и кугель влетел в закрытый собственный мир. Лететь не пришлось далеко.

— Принудительная посадка. Отключите Syntax, — раздалось откуда-то снаружи.

Малышка игнорировала голос и его команды, действительно, зачем, это же Силы Света, они не ждут активных действий со стороны, сами делают со всеми, за всех, что хотят, а эти предупреждения, вероятно, предназначены для одного, сообщить вам, что вы находитесь в надёжных руках, вами уже начали управлять, сидите спокойно, да беспокойно и не получится, теперь мы делаем, решаем, хотим, и чувствуем с вами за вас.

Кугель остановился. Не сказать, что народу собралось много, но ведь дело не в количестве, уж точно не сейчас. Последние части мира отправляются в чей-то карман. Мы уже никогда не сможем увидеть и захотеть всё, каждый останется со своим, с частью, которая досталась ему.

Малышка и Слон прошли к площади маяка. Малышка искала Hullabaloo.

— Я не вижу его.

Аукцион был в разгаре. Окружающая реальность неожиданно исчезла. Смена исходных модулей. Выставляемые миры демонстрировали перед началом торгов. Техники заменили исходные модули Сингуляра один для просмотра на модули предлагаемой части

мира. Присутствующим не просто рассказывали о том, что содержат коды, но и наглядно давали возможность в предлагаемом побывать. Сама площадь не меняла контент, сейчас за её пределами уже красовался мир номер пять.

Hullabaloo заметил Слона и Малышку:

— Где вы были? Песок у вас?

Слон протянул Hullabaloo мешок. Мир номер пять не привлёк внимание гостей. Синий модуль, остатки неба, немного воды, никто не тратился на такие пустяки, переоценённые спецэффекты, оптическая суета.

Коды сменили, мир номер пять ушёл за бесценок с молотка. Окружающая реальность вернулась в прежний вид Сингуляра один. Hullabaloo крутил в руках стекляшки синего цвета.

— Это были последние, что нам так легко достались. С остальными придётся повозиться, договариваться не получится.

На площадь вышел Бекас. Мало просто раздать миры, некоторые по-прежнему хотели иметь общее, отказавшись от прав на своё.

— Однажды мы уже потеряли себя. Мечты. Кто уверен,

что они принадлежат нам? Кто знает, какие мы и наши миры? Хватит с нас всей этой чепухи! Мы долго сидели и ждали. Мир надо переделать, освободить. Ничего общего мы не хотим. Кому нужно всё? Для чего? Чтобы не иметь ничего, не иметь себя и не знать, кто ты есть? Каждый получит своё, свою жизнь, свой собственный мир. Каждый сам будет распоряжаться собой и своим!

Сингуляр четырнадцать.

Вадук был виден с одной стороны, спереди, с остальных сторон его не видел никто. Он отсутствовал сбоку и не поворачивался никогда ни к кому спиной, её не было. Вид спереди был технический, скорее, чтобы обозначить присутствие. Вадук казался плоским, хотя на самом деле он был никакой, до тех пор, разумеется, пока на плоском фасаде не выделялось из уравновешенного что-то, чем Вадук и представлялся в видимом мире.

— Останавливаем маяк.

Вадук несколько раз сверил номер. По документам предстояло отключение четырнадцатого маяка, но каждый раз с поиском реального номера возникали проблемы. Цифры не были видны полностью никогда. Не та чёрточка, отсутствие знаков, лишние буквы, неразборчивые надписи, маяки редко знали свои номера. Их предстояло искать.

Многие Сингуляры подвергались нападениям, несмотря на то, что все они находились под охраной, их грабили, разносили по другим мирам. Силы Света оставляли разграбленные Сингуляры. Маяки продолжали работать, излучая слабую жизнь. Хозяева таких собственных миров не могли обеспечить свою безопасность, непрошенные гости, туристы, скитальцы уносили с собой из этих Сингуляров всё, что могли.

Все маяки охраняли Силы Света до тех пор, пока целостность мира представляла интерес. Нечего говорить, эта защита часто только называлась таковой, для создания ложного и поверхностного ощущения безопасности собственных миров. Так часто бывает, достаточно вывески «Под охраной, ведётся наблюдение», чтобы отпугнуть нерешительных нарушителей. Не всех, но на самом деле, многих подобные меры могут остановить. А когда происходили нападения, выяснялась неприятная суть, охраняли не всех.

Четырнадцатый Сингуляр не был важным. Силы Света не особо старались его защищать. Грабители всегда знают, что плохо лежит, что можно и нужно забрать. После первого нападения Силы Света покинули этот маяк. Однако его исходные модули могли пригодиться, кто знает, какая капля станет последней. Вадук и Бобби

собирали коды таких неохраняемых маяков.

— Этот должен быть четырнадцатый, если судить по частицам.

Вадук поместил несколько обломков реальности в Memory Box. Объект рассыпался на мельчайшие капли, которые светились зеленой, с незначительным присутствием капель жёлтого цвета. Такое часто случалось. Сложно было найти маяк, который не имел посторонних модулей. Исходные коды несложно менять. Любой маяк мог включать любые модули. Коды переходили из рук в руки, не всегда целиком, всегда без разрешений, в итоге маяки имели стекляшки разных цветов.

Хозяева теряли, меняли, продавали свои миры, целиком, по частям. Модули разделяли, дробили, перемешивали, как это всегда бывает, точнее заканчивается, разворовали всё, да так, что уже не найти и не собрать.

Вадук осмотрел всё вокруг. Мир как мир. Они все необычные. С высоты маяка Вадук рассматривал объекты.

— Нехорошо. Жёлтый. Это уже не четырнадцатый.

Он положил Memory Box и осмотрел первый попавшийся в руки предмет.

Когда-то LunuLy были собраны в маяке номер один, где их объединили в одно, то самое значение, включающее в себя практически всё. Так появилось Везде, его мало кто помнит, всё же неожиданным образом увидели его не просто по-разному, а совершенно наоборот. Везде оказалось ничем, самым полным и абсолютным нулём, всё к нему привелось и свелось, открыв Везде во всех неопределённостях значений, когда каждый смог увидеть в таком мире и всё, что хотел, и вообще ничего.

Дальше, как обычно, никто не знает, что произошло. Везде разлетелось на части, на осколки определённости, которые теперь живут отдельно в своих мирах. Платформы Abaddon поддерживают ЭХО искусственного Paralaxa. Каждый маяк дробит волной сплошную породу Ничего, разламывая Ничто на частицы определённого для каждого маяка, осколки, своего размера и цвета. Этим и отличаются исходные модули материи всех маяков, каждый из которых освещает свой собственный мир.

Получается, теоретически, Везде всё ещё есть, его можно собрать и вернуть, вот только Силы Света так не считают и вряд ли допустят ещё одно очередное Везде.

Бобби подобрал осколок с пола.

— По-твоему это какой?

Вадук протянул Бобби Memory Vox, который определил породу.

— Восьмой маяк, но до него ещё далеко.

Вадук подошёл к электору, достал модули и закрыл его.

— Посторонние включения небольшие, процентов пятнадцать. Маяк остановится достаточно быстро. Эти волны станут последними.

Электор продолжал свою работу. Казалось, он не остановится. Вадук прислушался. Из глубины маяка доносились тихие звуки, будто что-то хрустело и трескалось. Как тонкое невидимое стекло реальность покрылась прожилками. Линии разломов появились повсюду. Пространство треснуло во всю ширину. Сингуляр разламывался разбиваясь.

Бобби встряхнул Memory Vox.

— В этом образце много посторонней пыли.

Капли зелизны растаяли на глазах, внутри компакта болталось несколько крупных жёлтых сгустков. На самом верху маяка горел яркий зелёный свет, он рассеивался над миром внизу, приобретая формы и материальную суть.

Вадук проверил электор.

— Частицы прекращаются. Их количество падает.

Бобби потрогал «вокруг».

— Плотность понизилась, осталось ещё три волны и от мира не останется и следа.

Маяк создаёт частицы. Этот почти перестал. Частицы, из которых всё сделано, люди, деревья, воздух, дома. Маяк запускает магнитные волны, которые дробят, измельчают Ничто. Из абстрактного, никакого, неплотного Ничего маяк и волна крошат нулевую пустоту на своего размера части, мельчайшие капли. Нет волны определённой частоты, нет этих частичек, частей из Ничто, отщеплённых из ноль «плюс 1», «плюс 2» точек, нет мира, объектов, собранных из этих капель.

Вадук проверил количество частиц.

— Критическая глубина достигнута.

За пределами маяка мир уже исчезал. Маяк четырнадцать отключён. Его волны остыли, перестали создавать ту жизнь, которая раньше была видна. Всё медленно превращалось в Ничто, исчезали цвета, мир размазывался в непонятное, непроявленное, неопределённое, бесконечно возможное, никакое «всё».

Бобби забрал исходные модули электора и поместил

их в компакт. Мир продолжал останавливаться. Последняя волна накрыла города, поднялся страшный шум. Реальность проваливалась в Ничего. Все выходы из Сингуляра были завалены, перед ними открывалась пустота. Сработал тормоз отката. Послышались предупредительные сигналы. Всё засасывало в одну картину абстрактного. Эпизоды в последовательностях, фрагменты и миги, все жизни прекратились. Свет погас.

Бобби крутил стекляшки в руках.

— Слишком много дефектов. Этот исходный модуль повреждён. Мы не сможем его использовать. К тому же он не весь, это часть. Значит коды четырнадцатого маяка неизвестно где всё ещё включены.

Вадук достал Syntax и включил карту Сингуляров.

— Можем заглянуть в восьмой, раз у нас есть частично его модуль.

Сингуляр восемь не входил в планы сбора. Маяк охраняли Силы Света, но возвращаться в ДЕПО с пустыми руками никто не хотел. Разграбленные маяки дали обломки, а не пригодные исходные коды. Вадук утомился собирать бесполезный хлам, а Бобби уговаривать не пришлось. От одного слова «можем» он завёлся и был готов пойти на всё. Безрассудные поступки, что может

быть интереснее, а для чего ещё мы живём, если то и дело не совершать их.

— Код авторизации нам не нужен. Не вижу оснований пропустить этот Сингуляр.

Вадук набрал пункт назначения в Syntaxe. «Сингуляр восемь».

Они оба стояли посреди Ничего. От мира четырнадцать не осталось следа и по большому счёту разницы не было, куда отправиться сейчас. Syntax позволял обладателю увидеть всё, вводи описания, эмиттер развернёт перед тобой любое «сейчас». Многие эмиттеры ограничивались правами обладания, очевидно, этот случай был не такой.

Нарисовалась яркая световая стена Сингуляра восемь. Вадук и Бобби прошли сквозь неё в мир восьмого маяка. Бурный, чрезвычайно наполненный. Здесь было много из того, что Бобби и Вадук не видели давно. Бобби разглядывал окружающие предметы, его удивляло обилие невозможного, того, о чём за пределами этой стены не то что мечтать, а просто думать не хотели и не могли.

— Не думал, что такое возможно.

Вадук искал глазами маяк.

— А с чего ты мог думать и знать о таком? Это

находится только здесь. Остальным не досталось. Для всех за пределами этого Сингуляра подобного нет. Теперь мы не знаем, что ещё есть, или было, вообще в мире. Так и живём, не знаем ничего, чтобы лишний раз не хотеть. Зато они не знают о нас. Мы здесь, но никто из них не может ни увидеть, ни подумать, ни даже предположить нас.

Они прошли мимо Сил Света. Бобби остановился.

— Почему мы раньше не делали так?

Вадук заметил маяк.

— Ты сам-то знаешь сколько Syntaxов осталось? Так мы сможем использовать его один раз. И во что мы превратимся по-твоему без него?

Бобби смотрел на реальность восьмого маяка.

— Эти коды должны быть у нас.

Вадук шёл к маяку.

— Это будет несложно. Заберём модули, остановим маяк и, если успеем, вернёмся в ДЕПО.

Вадук открыл электор и достал исходные модули.

— Все разных цветов. Здесь не меньше шести.

Включилась тревога. Бобби набрал пункт назначения

«Синтетическая Колония Skylights 53».

— Кажется, они заметили нас.

Syntax распустил остывающий мир Сингуляра восемь на точки, на мгновение всё исчезло и погасло, но тут же «вокруг» предстало формами ДЕПО. Монстр Кей их встречал.

— И что это было? А главное зачем?

Вадук показал Монстру Кей модули восьмого Сингуляра. Монстр взял их и направился к Платформам.

— Больше не получите Syntax. Без вас хватает проблем.

Плохие новости распространяются быстро.

Сингуляр один.

Zakat стоял перед маяком. Удивительное открытие. Надо же было придумать солнце, которое будет освещать не всё, не всегда, оставит лишь часть. Кто мог бы подумать, можно научиться что-то не видеть, не замечать, притвориться, что этого нет, когда оно окружает тебя. Мы придумали солнце, чтобы изменить нашу жизнь, или, скорее, забыть о ней. Его свет показывает нам небольшую часть от всего, остальное скрыто в тени, мы не видим этого ничего, хотя оно есть. Мы устали и не хотим видеть всё. Солнце помогает нам жить.

Червь был измотан. Прежде он имел так много себя, что оно постоянно вылезало и торчало из него, всё, что он имел и прятал в себе. Он редко отказывался от какой-то части себя, ещё реже терял, забывал, оставлял, в основном что-то прибавлялось, но оно редко меняло уже имеющегося его.

Zakat вообще поначалу Червя не узнал. Он только вернулся с осмотра Сингуляров. Zakat смотрел на Червивого Человека.

— Что с тобой не так?

Червь менялся, что-то залезало вглубь, что-то вылезало из него, он никак не мог принять свой вид, и не казалось, что только внешне, он будто самого себя не мог принять, перебирал, пересчитывал, проверял всё своё. Он то куда-то исчезал, то по частям вылезал из себя.

— Они отключают маяки. Уже девяносто семь. Точнее сложно сказать. Это все, где я был. Опустошают электоры, забирают исходные коды.

Не сказать, что Zakat был удивлён.

— План с самого начала был никакой. Несмотря на все наши усилия, мир погружается в войну. Просто удивительно, как может всего не хватать, повсюду «мало» и «недостаточно». Договор придётся изменить. Доли

останутся неравными. Чтобы довести дело до конца, придётся многого лишиться кого-то из нас. Мы не сможем контролировать их мир.

Силы Света не хотели войны. Её хотел Domino. Каким-то образом удалось заключить мир, от которого каждому досталось своё. Свои миры, части, получили все, в том числе Domino, кто же знал, что он по-прежнему хочет всё.

— Вопрос стоит так, мы или он. Никому не нужен Приор, тем более ненастоящий. Мы должны поделить его мир между всеми, забрать у него часть всего.

Червивому Человеку разговор не понравился сразу.

— Силы Света должны следить за неприкосновенностью своих частей, чтобы каждый остался при своём. Ты предлагаешь забрать часть у одного и поделить между всеми. Такое решение должны принимать все, здесь только мы.

Zakat не придерживался правил, его волновал результат. Любой ценой.

— Об этом не надо говорить всем. Здесь все, кого волнует этот вопрос. Я не вижу никого, кто не согласен. Значит, согласны все. Или ты хочешь отдать ему своё? Можем по-другому, иначе поставить вопрос. Кто хочет отдать Domino свой мир? Тебе нужен Хозяин? У каждого

должно быть только своё! Мы обещали ему часть, а не всё, а теперь его мир претендует не на своё. Он создал нелепую ситуацию, хочет забрать себе всё, ему мало своего мира, он хочет быть Хозяином во всех мирах, Хозяином всего.

Что тут скажешь, план именно такой, а кому не хочется всего, кто сказал, что игра должна быть другой. Победа одна, её нельзя поделить, и Domino хотел всё. Глупо думать, что такие, как он, будут только из своего стакана пить. Ему нужен источник, родник, неиссякаемое дно, и он сделает всё, чтобы его получить.

Можно долго соглашаться на своё, но это лишь для того, чтобы получить первую часть от всего. А кто не хочет получить сто процентов всего?

Может ли каждый распоряжаться хоть чем-то, для начала собой, не в значении, разумеется, имеет ли он на это право, а в прямом смысле, сможет ли он. Сможет ли каждый решать, как ему поступить с собой, что говорить, что хотеть, что делать, если дать неограниченный выбор, свободу во всём, найдёт ли каждый себя и своё.

Domino был готов ответить Силам Света. В этом не сомневался никто.

— Я не предлагал договор, его предложили вы. Каждый

получит своё, которое признают и не заберут. Мне не нужна часть, я хочу всё. Можете забрать мой мир, но всё ваше станет моим.

Везде.

Лунаторий. Маяк номер один.

Алекс отдал Мишке шары LunuLov. Мишка искала номера.

— Откуда ты их достал? Ни одного LunuLa ведь не осталось.

Алекс удивился.

— Мы могли бы сразу сказать «можно видеть всё» и не терять время, но кто поверит. В этом надо всех убедить, сначала себя. И чем убедительнее мы будем, тем быстрее увидим всё. Вы хотите отключить все маяки, прекратить свои миры, вам нужен один, этот маяк, который покажет вам жизнь.

Алекс взял у Мишки LunuLy и показал их ей.

— Ты можешь увидеть любой номер, но для этого нужно не видеть тот, что на этом LunuLe. Тот или не тот, решать тебе.

Мишка посмотрела на шар и не нашла на нём номера.

Его не было ни на одном LunuLe. Алекс выкинул шары.

— Их нет, номеров, и не должно быть. Мы видим именно то, во что верим, или думаем, что хотим. И чем больше нас, которые верят, тем меньше шансов не верить у всех остальных. Так устроены мы. Лучше поверить, что Везде есть, в это придётся поверить, если ты хочешь жить. Иначе ты не сможешь увидеть всё.

Мишка оглядывалась по сторонам, и не могла найти LunuЛы. Алекс взял её за руку.

— Нам не нужны исходные модули. Всё уже есть и так. Ты просто слепа. Эти модули, этот маяк нужны, чтобы убедить нас в том, что возможно всё. Без них мы не увидим ничего. Вера опасна, когда ей нужны слова, когда она ищет доказательства. Мы не построим на такой вере мир. Везде имеет всё, но всё это много. Мы убедили себя, что разделили его, чтобы увидеть возможное. Мы убедили себя во всём. Маяк номер один не вернёт нам свободу.

Мишка смотрела на Везде. Вокруг было пусто. Всё совсем никакое, ни вода, ни огонь, ни твёрдое, ни мягкое, ни сухое, нечёткое, размазанное, вялое, неживое. Мишка повернулась к Алексу, очертания которого слабо выдавали в нём присутствие себя.

— Мы собрали Везде из всех миров, чтобы создать мир, в котором возможно всё, а вы разобрали его по своим собственным мирам. От Везде не осталось ничего. Такую свободу Силы Света предлагают нам? Мы включим Лунаторий и вернём общий мир. Никому не нужны ваши свои миры.

Убедить можно всех, главное знать, о чём говорить. Алекс не думал никого убеждать, проблема не имела решения, правильного, одного, все видели по-разному путь или выход из тупика, в котором застряла жизнь.

— Везде не пустое. Просто всё здесь не определено. Ты можешь увидеть что угодно, но не знаешь, на что должна смотреть. Без подсказок не справиться. Здесь легко потеряться. Не все могут жить в таком месте. Перед тобой находится что угодно, но ты выбираешь Ничего, пустоту, поэтому мы и создали маяки, чтобы дать каждому хотя бы часть от всего. Но Везде по-прежнему имеет всё.

Мишка старалась нащупать и разглядеть в окружающем плотность. Алекс не мог ей помочь.

— Ты не одна ни на что не способна. Жить в неопределённости, как выяснилось, не способен почти никто. Как бы то ни было, частью Договора, по которому мы отдали свои модули и объединили их со всеми, чтобы собрать одно значение, Абсолют, было условие,

важное, этот Абсолют будет использован только для Везде. Ни о каком общем мире и маяке речи быть не может. Без наших модулей вы не смогли бы получить неопределённость. Кто же виноват, что для вас это пустота! Мы дали маяки тем, кому сложно определиться в пустоте. Маяки это лишь определённость. Отключив их, вы всего-то прекратите эти миры. Везде без них, или с ними, останется быть. Но если запустить Лунаторий, Везде уже никто не сможет увидеть. Никто не увидит мир, каким захочет, где все значения открыты, свободны и не определены. Этот маяк убьёт Везде. Его свет будет мешать нам увидеть всё.

Каждый всегда по-своему прав. Кто же знал, неопределённость может выглядеть чем угодно, но чаще всего именно отсутствием конкретно чего. И что есть у нас, с чем или к чему мы сами же привели и оставили себя. Везде, которое никто толком не может увидеть. Как в таком «здесь и сейчас» представить жизнь? И части мира, закрытые в Сингулярах, свой кусок от всего. Это выбор между ничем и ничем, по мнению Domino. Если бы только его. Вероятно, только Силы Света наслаждались таким устройством, порядком мира, остальным не было дела ни до Везде, ни до Сингуляров.

Корпорациям быть. Очередная победа Domino Energies.

Отменим все маяки, и вернём общий мир. Маяк будет один, никакого ещё и других. И все модули мы соберём только в нём. А дальше по плану. Списки, энергетические карты. Каждый сам сможет создать свой список жизни, свой план. Свободу мечте!

В принципе, идея сама по себе неплохая, особенно из рук Domino Energies. Общий мир, один на всех, в котором сбываются мечты. Вроде бы мы его уже создали, наше Везде, но поскольку увидеть его не представляется возможным, пусть Лунаторий покажет нам сладкую жизнь.

Удивительно всё же устроены мы. Всё всегда будет плохо, какой стороной ни выкручивай, на какую ни смотри. Очередная борьба, как будто нельзя жить спокойно. Силы Света не будут согласны. Что на это ответит Zakat?

— Либо каждый увидит Везде, каким захочет и сможет, либо пусть наслаждаются частями, что им дали в своих мирах. Общий мир, общий маяк, такому не бывать!

Алекс стал чуть ярче и ближе.

— Нам нужно, чтобы сказали, на что мы способны, иначе мы не верим ни во что, тем более в себя. Эта борьба не за свободу. У нас нет себя. Это борьба за веру,

но кто нам вернёт её, кроме нас. У каждого было и есть всё, что он хочет. Мы можем увидеть, хотя убедили себя в обратном. Маяк это очередная стена, за которой мы спрячем отсутствие веры. Он не освободит никого, он убедит ещё больше, что мы неспособны, и уничтожит нас. Мы верим не в маяк, с ним мы ещё больше не верим в себя. С каждым шагом, имея всё, убеждаем, что это всё невозможно. Мы не видели в Настоящем Мире, не видим сейчас, и маяк не убедит нас. Мы окончательно потеряем себя.

Сингуляр 31.

Вундский Лес.

Симпатия обошла пруд несколько раз.

— Очень медленно. Этот маяк тормознутый какой-то. Сколько можно ждать? Ни лавочки, ни Профессора, ни озера, ничего, одна лужа, и та строится уже вечность.

Реальность прояснялась по частям, Вундский Лес оживал, но всё и впрямь затянулось в процессе создания себя. Слон и Малышка принесли исходные модули. Симпатия разложила их на земле.

— Целая куча стекла!

Разноцветные осколки напоминали новогодние

игрушки, разбитые, они утратили форму и смысл, удивляя возможностями воздействовать на мир.

Симпатия пересчитывала стекляшки.

— Все перепутались. Ни одного чистого куска.

Модули имели вкрапления, примеси, чистой породы уже давно никто не встречал. В каком-то смысле это имело много преимуществ. Уже имеющиеся осколки содержали все необходимые коды. Симпатия сложила их в Вох.

— Если так посмотреть, этого достаточно для Лунатория. Здесь все модули, значит Абсолют можно собрать.

Электор маяка номер один без всех значений нельзя включить, а вот количество каждого неважно.

Срах разглядывал Bromusa.

— Значит ли это, что нам пора отправляться на солнце?

Все посмотрели вверх. Там по-прежнему висел и был виден всем, из каждого Сингуляра, из любой Колонии, крупный объект с вывеской Domino Energies. Симпатия громко вздохнула.

— А как же другие маяки? Что делать с ними?

Малышка отдала Симпатии Списки Жизни.

— Как только вы запустите электор Лунатория, все маяки исчезнут. Это новые списки.

Исчезнут не только маяки, испарится всё, что не создано Лунаторием. Жизнь будет раздаваться им по этим самым спискам, которые подготовил Монстр Кей. Сингуляры и Колонии превратятся в пыль, не останется никого и ничего, только созданная по новым картам жизнь.

Симпатия посмотрела списки.

— Я нашла всех, и себя, и тебя, и даже Профессора! А Bromus зачем? Да так много!

Симпатия только заметила Bromusa, вокруг которого крутился Spax.

— Зачем вы его сюда притащили? А если эта железяка изменит наш мир?

Spax пытался включить машину, Симпатия морщилась на Bromusa.

— Ты только на это посмотри! Смертоносная установка. Излучающая мощность двадцать пять тысяч меня. Кто я вообще рядом с ним! Не включай. Пусть просто стоит.

Симпатия отошла в сторону от Bromusa.

— А если у него параметры, которые мы не сможем изменить? У него, там, внутри, кто знает. Переделает всех и привет, не вспомнишь как звали.

Раздался скрип. Срах светился от удовольствия.

— Кажется, я его включил.

Симпатия не удержалась.

— Глазища огонь!

Bromus повернулся к Симпатии и направился в её сторону. Он подошёл ближе и считал информацию.

— Сколько он потребляет энергии? Ты знаешь, чем он питается или нет?

Симпатия смотрела на Bromusa, тот говорил ерунду.

— Здесь много объектов. Обнаружены связи. Пространство имеет дефекты.

Симпатия спряталась за Слона.

— Чего стоишь, Срах! Выключай его быстрее! Мы ему не нравимся. Сам дефект!

Везде.

Лунаторий. Маяк номер один.

Силы Света окружили Мишку. Бекас знал, какое наказание страшнее всего.

— Отпустите её. И отправьте познакомиться с нашим городом. Пусть увидит сама, что захочет.

Везде могло показать любое всё, оно вытаскивало желания, страхи и мысли, открывало и отпускало на свободу запертое и скрытое в тебе. Мишка шагнула в пустоту и растаяла. Каким она увидела окружающий мир не знал никто, и увидела ли.

Бекас стоял у окна и смотрел на Везде.

— Совсем скоро они будут здесь и превратят это место в руины камней. Они так и останутся в Невозможном Мире. Им недоступен другой. Его для них нет.

Алекс развернул план общего мира от Domino Energies. Злодейства Domino не переставали удивлять. Многие его боялись, Бекас не был из их числа, наоборот, Domino можно было не любить, но его фантазия вдохновляла. Бекас и сам не отличался добротой. Это было соревнование, кто из них способен на большое зло. Пока побеждал Domino. Этот раз мог стать совершенно особенным. Наконец-то Domino не забудут никогда. Его будут ненавидеть, а это значит, уже никто не станет его

слушать и доверять. Он сам уничтожит себя.

Оправдать можно любые поступки. Было бы желание. «Это всё ради вас». Самое, пожалуй, популярное. «Скажете спасибо потом, когда поймёте».

Алекс не особенно хорошо знал и понимал вследствие этого Domino. Но знать и понимать кого-то вовсе необязательно, чтобы иметь своё мнение или отношение не только к человеку, вообще ко всему. Иногда, если не сказать часто, мы просто склонны заранее кого-то или что-то любить, или нет.

— Фатом. Настоящий город смерти. Не думал, что ему так нравится убивать. У него может получиться.

Бекас не разделял подобных мыслей, он редко соглашался с кем угодно, в том числе с собой, такая натура, идти своим путём.

— Уверен в обратном, но мы не будем ему помогать. Пусть угробит хоть всех. Мне нет дела ни до кого из них. Им понравится страдать. Нам пора возвращаться в Настоящий Мир, оставим игрушечный умирать.

Силы Света покидали маяки. Кто сказал, что Настоящего Мира больше нет? Просто не в таком количестве, к которому мы привыкли. Нет, это громко сказано. Настоящего Paralaxa нет, а точка осталась,

одна, настоящая. Придётся изменить своё отношение к размерам и количеству, никто не взвешивал ветер, можно обойтись без понятия «масштаб», энтузиазм, вот что определяет силу, с которой происходит жизнь.

Zakat и Червивый Человек последними прибыли в Лунаторий. Силы Света без сожаления оставляли ненастоящий мир. Знай его жители о планах Domino Energies, сомнений нет, захотели бы остаться двое, Domino и Монстр Кей, остальных и след простыл бы. Червивый Человек не верил своим глазам. Какой там откат. Настоящий второй акт, или круг, по которому Domino планировал пустить ненастоящий мир.

— Он хочет складывать картинки с помощью устройств в списки, которые будут тянуться бесконечное количество мигнов и лет, смерть для них это лишь обрыв списка. Они так и останутся следами, тенью и запахом, прошлым, которое уже прошло. Они неспособны иметь настоящее, жить и не выбирать себя из того, что уже случилось.

Признак времени, связи, когда все значения и вероянты, существуют постоянно, всегда. Это и есть время, которым распоряжаемся мы. Можно иметь и видеть все картинки сразу, и лишь выбирать, на какой сфокусироваться. Нам недоступно время, мы не можем его удерживать, живём в прошлом, которое было, в

событиях, которые произошли. Выбирая из всего, что есть, то одно, что будем воспринимать сейчас, мы кромсаем вечность на отрезки доступности нам того, что есть жизнь, составляя из этого фильм, в то время как перед нами простирается одна целая и полная картина всего.

Всю свою жизнь мы пытаемся поймать тот миг, который всегда уплывает от нас, растворяясь как память. И вся наша жизнь представляет собой путешествие по частям одной, уже нарисованной картины как череда, последовательность миггов, на которые мы пытаемся схватить понимание себя, и всё, что у нас остаётся, это лишь воспоминания и непрерывное ощущение, что «это» уже случилось, что-то уже произошло. Видел, чувствовал, слышал, хотел. Неужели мы просто следы, которые сами не умеют ходить?

Наш маяк проясняет нам жизнь, показывает нас и наш мир, затмевая ярким светом всё, что мы видеть не должны. Мы не можем вырваться из этого мира, пока работает маяк. Не можем, не хотим, и не знаем другую жизнь, нам эта слишком хорошо видна. Каждый раз мы обнаруживаем только её. Вся картина скрыта в тени, мы знакомы лишь с частью, которая нам освещена, и за пределы этого света нам не выбраться, пока работает наша звезда, не скрыться в тени.

Мы будем жить свою жизнь, раз за разом, в петле, в надежде на новый свет, который озарит новых нас. Мы не можем этот мир исправить и изменить, но он не задумывался таким. В это его превратили мы, разбили на части весь мир, и осколками лежим в них, тупиками, обрывками от себя, и не можем собраться.

Синтетическая Колония Skylights 53.

ДЕПО.

Hullabaloo, Монстр Кей, Domino.

Hullabaloo только вернулся из Сингуляра 1.

— Силы Света уходят в Настоящий Мир. Они оставили все маяки.

Domino несколько не удивился.

— Мрачный Мир готов всех принять.

Они смотрели на слик, окружающий Настоящий Мир. Его стена была похожа на плёнку, морщинистую, со складками, неравномерно покрывающую Настоящий Мир с внутренней стороны. Слик был сильно деформирован, растянут в некоторых местах, готовый лопнуть, казалось, он истощался у всех на глазах. Плёнку из ничего заливали мраком, жижя тёмного света стекала медленно по краю поверхности слика. Этот слой обновляли, чтобы стена не

давила на Мрачный Мир. Его словно стягивало изнутри в плотный сгусток.

Настоящий Мир из одной точки можно было наблюдать со стороны, на расстоянии, которое не менялось, как бы ни приближался и ни отдалялся от точки ты, но попасть внутрь при таких чудесах восприятия надо было знать и уметь как.

Hullabaloo узнал, совсем недавно.

— Нужен рифт, за ним единственный вход в Настоящий Мир.

Domino давно не посещал Мрачный Мир. Начала всех начал были спрятаны во Мраке, зачем Силы Света отправляются туда, лучше как можно быстрее узнать. Мрачный Мир, Экстент один, единственный, что у Настоящего Мира остался. Hullabaloo справлялся с идеями лучше остальных, Domino даже не стал задумываться, кто пойдёт во Мрак. Понятно было сразу всем, как только речь зашла о рифте.

— Сходи, посмотри, что они задумали. И Слона с собой возьми.

Слон, решение непопулярное, но все остальные нужны были здесь, Фатом, к тому же, не место для таких как Слон, слишком впечатлительный, излишне ответственный,

сейчас не те времена.

Мрачный Мир.

Настоящая точка.

Бекас смотрел на поверхность слик, который моргал и подёргивался. Множество точек отражались огоньками на плёнке из ничего. Точки искусственного Paralaxa, за которыми нет ничего, по крайней мере, ничего настоящего. Край конца Мрачного Мира светился гирляндой. Слик притягивал как магнит. Всё стекало к самому краю Настоящего Мира, стремилось к стене, вдоль которой укрепляли колонны, огромные прутья, ослабляющие напряжение притягивающей волны. Дежурные расставляли знаки. «Не подходить!», «Поверхность пространства». Черта, за которой кончается настоящая жизнь.

Сингуляр 31.

Вундский Лес.

Симпатия читала своё описание.

— Это всё, что написано обо мне? Эмиттер, включающий и выключающий точки, способный изменить их частотную глубину. Объект неестественного происхождения, способный строить последовательность

и порядок связей от точек, из которых создаётся форма, до синтакса миггов, из которых состоит жизнь. Создаёт жизненный цикл, контролируя связи вокруг.

Симпатия ходила, но так казалось только ей.

— Прекрати следить собой! Можешь ограничиться одним присутствием?

Срах насчитал более двадцати пяти Симпатий.

— Гирлянда тебя заполонила всё!

По всему Вундскому Лесу было разбросано и оставлено уже около сотни тел Симпатии. Все они разное говорили и делали. Симпатия включила все миги себя непоследовательно, одновременно, и перемещалась по ним, как пятно света по потолку и стене. Срах раздражало подобное поведение. Симпатия не могла успокоиться, её волновал Bromus.

— Со всеми меня он не справится. Не понимаю, как ты можешь не переживать за себя. Он же вмиг разберёт или переделает нас. И с кем тогда останусь я?

— Твоя цепь перегружена. Ты вот-вот разлетишься.

Симпатия погасла одна за другой, оставив от себя несколько тел. Они были заняты разными делами, внешне казались отдельными собой, но это всегда, независимо

от количества проявленного снаружи, был один объект, который мог находиться сразу везде.

— Ты объект, излучаемый собой, способный изменить свою частотность, имеющий доступ к материалу, из которого состоит.

Симпатия закатила глаза.

— Думаешь, до нас с тобой ему не добраться?

Срах кивнул головой, но Симпатия знала, всё и всех можно переделать и отменить, ни о каком спокойствии, неприкосновенности жизни, речи не может быть.

Чтобы научиться изменять форму, надо знать материал, из которого объект состоит, его природу, свойства и суть. Окружающий мир порождает огромное количество случайных вещей, которые никому не нужны, и которые мы пытаемся изменить. Увлекаясь формой, которую не творим, мы заигрываемся с ней, в то время как всё, что мы видим, легко выключить и включить.

Симпатия разглядывала объекты Сингуляра.

— Эта синтетическая реальность совсем не похожа на настоящую. Всё такое неестественное. Настоящий Мир такой обычный, понятный, а в этом всё ненормально. Мы думали, Настоящий Мир невозможный, но у нас

были возможности, о которых мы знали, страхи, мечты, события, которых мы не имели, но которые могли произойти.

Симпатия ходила вокруг Bromusa.

— Он может создать что угодно, но создаёт лишь то, что ему разрешили, каждому своё. Никто уже и не знает, что возможно, а что невозможно. Есть то, что тебе дали, остального нет, но лишь для тебя, где-то это для кого-то другого, более чем возможно и существует. Мы перестали бояться и мечтать, в наших головах лежит только наша жизнь, мысли, которые нам разрешили, раздали. Других нет, не должно быть.

Срах достал глаза Bromusa и положил их на стол. Симпатия взяла один глаз в руки и тут же бросила его.

— Ещё светится, горячий. Это плохо. Он слишком старый. Где они нашли его?

Срах разбирал глаз.

— Эта технология имеет две части. Одна создаёт объекты, другая их прекращает.

Срах достал сердцевину глаза.

— Это рассеивающая призма, она может превратить в пыль совершенно любой объект.

Симпатия взяла в руки часть разобранного глаза.

— Даже объекты, которые он не создавал, настоящие?

Срах разобрал второй глаз и достал из него сердцевину.

— Какая из этих возможностей тебе нравится больше? Создавать или прекращать?

Срах протянул Симпатии одну призму глаза.

— Вторая пугает. Он может всё превратить в пыль. С этими глазами сможет любой?

Срах убрал призмы в Вох.

— Эта технология открыта не всем. Глаза лишь часть.

Симпатия обошла Bromusa.

— Он так и останется без глаз? Мы бросим его одного здесь?

Срах удивлённо посмотрел на Симпатию.

— Его можно включить. Глаза ему не нужны. Сам он, внутри, видит всё по карте.

— И как он будет жить?

— Карта мира разрешённых объектов находится здесь, пока она в нём, с глазами или без глаз, внутри он будет

видеть мир только таким.

Симпатия попыталась сдвинуть Bromusa с места.

— Значит, он не будет видеть нас, и всё, что не такое, как определено? Это значит, он нас разберёт? Если он не видит, всё, что он не видит, исчезает? Видит создаёт, не видит прекращает?

Spax включил Bromusa.

— Не уверен, что он видел хоть что-то из того, что не определено. Bromусы видят только то, что должны. Мир превращается в такой, каким Bromусы его видят, точнее, показывают. Без глаз, он не сможет создавать и менять мир, не сможет его показывать, но сам видеть его будет продолжать по карте, пока кто-то не поменяет её.

Симпатия залезла руками в дырки для глаз Bromusa.

— А если карту убрать, он останется без всего? Даже внутри не увидит ничего? И не сможет ничего представить? У него внутри будет темно?

Bromus включился. Машина смотрела вокруг пустыми местами для глаз. Симпатия отошла подальше.

— Вот я стою, здесь, а ты что, не видишь меня?

Симпатия пнула Bromusa несколько раз.

— До чего же тупое существо. И зачем он нам? Ты знаешь, что он видит сейчас?

Срах включил карту Bromusa.

— Вот этот мир. Он представляет внутри мир вот так.

Срах увеличил карту.

— Нам нужно сюда. Без него мы не найдём это место. До Лунатория не добраться без карты. Мы потеряемся.

Срах построил маршрут. Bromus повернулся и начал идти.

— Нам надо идти за ним.

Срах шёл следом за Bromusом. Симпатия немного постояла и бросилась к ним.

— Он же слепой!

— Он видит лучше тебя.

Bromus видел и знал этот мир исключительно таким, что был определён его картой. Симпатия не старалась увидеть объекты, которые имела карта, перед её взором лежала пустота. Симпатия не знала, что видеть, но представлять мир Bromusa не хотела, потому и увидеть не могла.

Синтетическая Колония Skylights 53.

ДЕПО.

Domino разглядывал объекты, которые создавали машины. «Powered by Bromus» можно было прочесть на любом объекте в ДЕПО. Bromусы были повсюду.

— Мы вернёмся в мир, где невозможно всё. К спискам, в контент.

Монстр Кей проверял карты Bromусов.

— Мы потратили много времени, чтобы найти пределы наших возможностей. Их нет, кому они нужны. Или ты боишься всё ещё снова их обрести?

Неминуемого и неизбежного нет. Мы сами придумали Невозможный Мир. Мы придумали и создали всё, потому что предназначены создавать. Почему-то мы не верим ни во что, кроме пределов, в которые загоняем себя, нас. Возможно всё, вот только кто решает, во что будем верить мы, что сделаем невозможным, какие страхи и мечты будут жить, а каким мы скажем умереть.

Как же тяжело и неприятно отступить. Тяжелее только сдаваться, когда проиграл в борьбе всё, даже самого себя. Мы можем придумать объяснение чему угодно и поверить в него. Скажут умереть, будем зайками и умрём,

в субботу, в шесть. Скажут не умирать, поживём. За всё время, что живём, мы так не нашли и не поняли ничего. Ищем предел, потому что он должен быть, потому что мы верим только в него.

Для чего это всё? Чтобы освободиться по-настоящему и наконец-то умереть? Чтобы начать новую жизнь, прожить её, чтобы смогло появиться что-то новое, новые мы, новые жизни, всё вокруг? Вот только нового не произойдёт ничего. Мы не можем освободиться. Сами же от себя. Всё повторится. Ещё и ещё. Мы так и останемся в мире, где невозможно всё.

Обычно спокойный Domino перестал быть собой. Его окружали предметы с надписью «Оживлённое Bromusом». Всё это отталкивало Domino. Как можно считать такое живым? Подделка, в которую превращался мир, давил на Domino.

Машины, создающие жизнь. Есть ли у жизни признаки, по которым живое можно отличить, должно ли быть обязательно что-то ещё у объекта кроме вида? Чем отличается растение, выращенное в горшке, на балконе, в саду, от дикого? Машины оживляли идеи, выращивали мечты, собирая пространство в объекты нужной формы, связывая частицы в одно, и распуская обратно в пыль. Такой стала жизнь.

Любой объект можно собрать, любой распустить, у жизни нет начала или конца, она просто меняет свой вид, и теперь этот процесс изменения формы, придание вида, полностью в наших руках. Энергия связей создавала мир. Bromus, машина, которая эти связи раздавала объектам и забирала у них, приводила к оформленной жизни или оставляла в несложившемся состоянии «пыль». Если бы не это «Powered by», никто не смог бы отличить объекты, созданные Bromusами, от тех, что появились сами по себе. Разницы никакой.

Мы хотим распоряжаться миром, а не просто жить в нём. Domino видел в окружающем не жизнь, а её конец. Bromus знал этот мир уже другим, каким всему только предстояло стать. Всё появлялось и исчезало, перестраивалось в иной вид, но старая, прежняя реальность, ещё присутствовала. И хотя карты нового мира были развешены повсюду, иным сложно было представить окружающее тем, кто не умел смотреть. Не умели все. Технология Глаз как бы была доступна всем, но настройки «создавать и прекращать» имели пределы.

У победы бывает странный вкус. Это знают те, кто привык побеждать. За победу приходится платить. Чем? С собой. Как всегда. Что остаётся от нас. Это ненужно никому.

Ходят легенды о мире, который является самым возможным, в котором возможно практически, если не абсолютно, всё. Все миры это лишь разные части этого мира, который включает все места и все времена. Легенды OPUS MORA рассказывают о Везде, в котором времени нет, потому что в нём существуют все, всё и всегда. Мир, в котором есть только настоящее, и нет прошлого, как и будущего. Мы ЭХО этого мира, ограниченное временем, для нас доступно только прошлое, и будущее, не всегда.

Монстр Кей смотрел на карту Везде.

— Мы собрали все исходные модули. Это место имеет возможности, о которых многие из нас не знали никогда. Здесь имеется всё, вот только мы не увидим это, как только включим маяк номер один. Другого пути у нас нет. Этот раз ничем не отличается от предыдущих, от остальных. Нам придётся долго учить всех, и скажу тебе как есть, я не уверен, что мы сможем довести дело до конца.

Монстр Кей собрал контенты последних Сингуляров. Каждый из них имел свой осколок Везде. Все вместе они это мир, в котором возможно всё.

Монстр Кей показал карту Domino.

— Это было скрыто. Я впервые вижу мир целиком. Здесь все части. Кажется, мы нашли всё.

Сингуляры имели разную жизнь, ни в одной она не была полной, и всегда сводилась к зацикленному своему. В одном грустили, в другом постоянно смеялись, каждому досталось своё, никто не догадывался о жизни в других собственных мирах. Многим хотелось увидеть и узнать всё, а если не всё, то хотя бы чуть больше, чем только своё, или просто другое, что-то ещё.

Лунаторий не даст им увидеть Везде, но избавит от своих миров. Возможно эту свободу хотели обрести они в первую очередь, избавиться от себя, которое надоело уже тысячу раз, захотеть что-то другое, подумать, сделать, бояться, и наконец, захотеть что-то другое хотеть, сменить себя.

Большая часть маяков была отключена. Карты Везде болтались как бесполезные перспективы. Вот оно всё. Берите, используйте, и живите. Они узнавали о том, что было скрыто от них, но увидеть Везде так и не могли. Этот мир без подсказок и знаков «Видеть мост», «Здесь дорога», они не могли сами выбирать. Порой нам хочется увидеть не только то, что открыто, а всё, что есть, все возможности, чтобы выбрать, или чтобы не выбирать самому, но теперь Везде убивало желание поглощать и

рассматривать окружающий мир. Здесь можно было бы найти всё, но оно быстро терялось в середине плотного сгустка разнообразных объектов, застрявших внутри. Весьма неприятное ощущение, будто ты идёшь сквозь мечты.

Все быстро устали от неопределённости материального бытия. Реальность напоминала чертёж. В любой момент всё, что было настоящим, могло превратиться в серый туман, облако, призрак, лишь отдалённо напоминающий прежний объект, словно образ, повисший в воздухе, его мысленный след. Всё, что было лишь очертанием или намёком, уплотнялось и тяжелело, высовывалось наружу, небрежно торча из неё. Реальность перестала быть постоянной и предсказуемой. Степень материализации объектов могла измениться в любой момент. Тем, кто так и не научился смотреть, нужен был магический глаз, эмиттер. Он открывает и закрывает для вас скрытый мир, позволяя воспринимать только желаемое. Магия и волшебство.

Видеть всё, что может, или могло бы быть, это как попробовать суп, приготовленный из всего. Хорошее оно или плохое, неважно, слишком много для одного. Вряд ли кому-то понадобится всё. Вопрос один, кому принадлежат чудеса, кто открывает скрытое и закрывает от нас

возможности и мечты, кто раздаёт фантазии и определяет мир, который окружает нас, кому принадлежат эмиттеры, закрывающие и открывающие наши глаза.

Эмиттер это ключ, ядро мира. Они помогают видеть не всё, выделяя лишь нужное. Они решают, что выделять, они видят наш мир. EYE, Emitter of Ylem Energy, не просто фокусирует восприятие, он видит за вас, и показывает вам мир. Что станет реальностью, а что нет, зависит от коробочки, созданной Domino Energies.

За нас не выбирает случайность. В чём прелесть нового мира, если мы не научились и никогда не умели выбирать? Для этого есть Корпорация Смерть. Выбор делают за нас, мы не желаем смотреть, из чего нам пришлось бы свою жизнь так детально и мучительно долго выкраивать и собирать.

Эмиттер делает то, что мы сами уметь должны, игнорировать ненужное и видеть всё, что хотим, абстрагировать нужные формы и узнавать лишь свои очертания, слышать, думать и чувствовать не всё, что попало под руку и залетело в голову. Он видит мир, и пока эмиттер есть, все будут видеть мир именно таким. Без эмиттера не будет мира, потому что он и есть этот мир. Магический Глаз запирает ненужное глубоко внутри, в пространстве между объектами, которое мы привыкли

считать пустым.

Все Bromusy выглядят одинаково, собраны из осколков, похожи на монстров из обломков всего, что составляет мир.

Реальность Сингуляров тускнела и проваливалась в глубину, цвета размывались, звуки гасли, картинка слабела и наконец почти вся составила собой фон, на котором проявлялись, выплывая и вырастая из той же поглощающей глубины, объекты, которые всего пару мгновений назад казались эскизами, повисшими пятнами на холсте с красочной картиной такой переменчивой и опасной жизни, готовой что угодно превратить из материи в прах и с такой же лёгкостью вернуть к жизни всё, что развеяно в воздухе пеплом теней.

Синтетические Колонии Skylights превращались в пески, рассыпаясь на части. Весь игрушечный мир рассыпался на глазах.

Симпатия никогда не любила выбирать. Одна она осталась с Профессором, в Вундском Лесу Сингуляра 31. Симпатия взяла за руку Профессора и села рядом с ним, на лавку у пруда. Они быстро превратились в камни и развалились. Симпатия хотела попробовать и узнать всё, всё сделать, сказать, потому находилась везде, и теперь какая-то она должна умереть.

— У меня есть и другие Я. Впрочем, как и у тебя, Профессор. Что ж, мы не все остаёмся здесь, а только какие-то части нас. Ты думаешь, мы это вспомним?

Симпатия пыталась представить себе хотя бы одну другую Симпатию, ту другую, которая все ещё имела путь, по которому она могла дальше куда-то идти.

— Я ведь сейчас ещё где-то.

Но она так и не смогла ни одну из них себе представить. Ей казалось, что там не она. Там другая история. А её, эта, заканчивается именно здесь.

Ветер разбросал их как высохшие фигурки из песка. Всё, что когда-либо делала Симпатия, так это была спутником для других. Она помогала другому жить как хочет он, разделяя его жизнь, разделяя чужие жизни. Помогала жить другим так, как выбирают они, делать всё, что хотят они. Симпатия помогала пройти другим через сделанный ими выбор, всегда принимая и разделяя его. «С чего начнётся следующая жизнь?», эти мысли растаяли вместе с жизнью, её испытаниями, со всем.

От кого-то сейчас остаётся лишь след. Чьи-то пути останавливаются и прекращаются здесь. Мы не сможем вернуть их, только вновь пережить, пока вновь не забудем друг друга.

Сколько жизней достанется каждому небу, за которым спрятан свой мир, и все они разного вида, невозможны, пока не станут одним. Откуда, из чего появляется что-то? Из ничего. Что-то, как оказывается, это самая маленькая часть ничего. Ничего это всё, от которого можно отломить немного чего-то, и оно перестанет быть ничем, и превратится во «что». Во всём нет смысла, он для каждого в ничтожном своём.

За пределами пространства и времени от ненастоящего мира осталось Везде. Колонии и Сингуляры исчезли. Местами Везде проваливалось в пустоту, где всё было не определено. Если особенно приглядеться, ничто обретает структуру и формы, но всё можно спрятать от взора, который не умеет смотреть.

Bromusy строили Фатом. Монстр Кей осматривал его руины. Он видел однажды этот город другим. Везде уходило в глубину, это место всё равно так и не стало домом мечты.

— Кругом одни тупики.

Всё это чересчур много, всё теряется, уравнивается и в итоге даёт ничего. Такой мир прозрачен и пуст. Невозможные не привыкли к свободе. Bromusy оживляли Везде. Город будто встряхнули. Целый мир собирался в новую жизнь.

Лишь небольшая часть Везде, в самом центре, продолжала не иметь осей горизонта, никаких законов и систем. Здесь покоилось здание Domino Energies. В остальных частях Фатома уже существовали готовые виды, которых не хватало.

Раскиданные и разбросанные, невозможные ждали жизнь, вспоминали и забывали её, уставшие быть собой, они мечтали о мире, где будет всё определено, небо, солнце, воздух и миги, списки, они мечтали наконец-то увидеть и прожить не одну жизнь, бесконечно не думать и перестать выбирать.

Везде тонуло и теряло себя, выплывая тупиками Фатома, города, в котором свободы нет.

Симпатия схватила карту и посмотрела вперёд.

— Здесь должен быть мост и дорога, по карте, в реальности из этого почти ничего!

Bromusy строили мир, повсюду стояла пыль. Всё разлеталось на частицы и точки, из которых вырастали новые формы. Пространство напоминало коллаж, не имеющий смысла. Вид города немного пугал.

Симпатия внимательно изучала новый мир.

— Ты знаешь, кто составляет эти карты? Теперь

реальность будет такой?

Город был разделён на районы. Срах и Симпатия двигались чётко по карте, не отставая от Bromusa, спотыкаясь об мир, который машины торопились собрать. Симпатия закрывала глаза, представляя не то, что видела ими.

— Ему-то хорошо, в голове пустота, нечем соображать. Мог бы выбрать другой маршрут. Ничего из того, что заявлено и нарисовано. Они будут этот город вечно создавать. Чего ждут? Куда он идёт? Это место мы уже проходили несколько раз.

Настоящий Мир находится где-то далеко, там, куда мы стремимся попасть, откуда мы пришли когда-то давно. Всё, что окружает нас, похоже на мрачный сон, который не закончится никогда. Прикованные к себе, от которых нельзя убежать, мы рассматриваем свои тела, привыкая к новым формам своего «Я». Так проносится жизнь, оставляя следы, напоминания о возможностях, пока мы заперты где-то внутри, наблюдаем за движением на поверхности, и пытаемся не вспоминать тот Настоящий Мир, который постоянно прячется в ненастоящей приделанной голове.

Мир постепенно менялся, это происходит всегда, и мы меняемся вместе с ним, но иногда хотелось бы

остановиться, сделать паузу, вздох... и на мгновение отключиться, чтобы снова продолжить свой путь, и идти... куда-то вдаль и вперёд.

Domino стоял перед Платформой Abadon 1.

— Все Сингуляры распущены.

Собственные миры медленно рассыпались, проваливаясь во Мрак. Картинки таяли одна за другой, освобождаясь от невидимых оков, скреп и скоб, которые удерживали их во что-то одно, не отпуская и мучая несвободой и тоской. Тоской по возможностям, которые далеко, могилой, в которую превратился для них безмятежный покой. Они разлетались как мотыльки и пропадали, погружаясь куда-то в глубокую бездну, за которой скрывался их мир, они улетали домой.

Domino смотрел в небо. Там, высоко, по-прежнему висел один единственный объект, который был виден всем. Лунаторий. Domino вернулся в свой кабинет здания Domino Energies. Мимо долго искал Domino. Он влетел в комнату и протянул Domino несколько скрученных завихрений.

— Мы получили сообщение из Мрака. Лунаторий признан ошибочным объектом, который необходимо уничтожить.

Эту новость Domino почти ждал. Что-то подобное обещало произойти. Теперь он знал, что именно задумали Силы Света, зачем они вернулись в Настоящий Мир.

— Профессор решил избавиться от нас. Он хочет прекратить синтетическую материю.

Мимо всегда выражал безразличие и оптимизм. Вполне ожидаемо от того, кто относится ко всему со стороны. В то время как многие пытались разглядеть мир Мора, Мимо продолжал не испытывать ничего.

— Это пыльный мир, который невозможно увидеть со стороны. Там вполне может быть пустота.

Волновался Главный, но этот профессиональный дефект нельзя было исправить, пожалуй, он определял Главного сейчас больше, чем когда-либо ещё. Возвращаться в Настоящий Мир он совсем не хотел.

— Скоро все увидят Мора. Мы не можем этого допустить!

Domino не опасался Мора. Его не пугали ни масштаб, ни энтузиазм всего Мрачного Мира. Domino умел побеждать, убеждая в этом всех остальных. Правильный аргумент, пожалуй, единственный ключ к победе.

— Мне нужны списки того, что находилось в каждом

Сингуляре.

Монстр Кей открыл списки, которые оказались почти на треть пусты.

— Это всё, что от них осталось. Сингуляры разграблены. Силы Света забрали часть кодов с собой, в Мрачный Мир.

Главный начал паниковать.

— Что это значит? Кто-нибудь из вас может мне объяснить?

Монстр Кей показал пробелы в списках.

— Наш мир на треть опустел, мы не знаем, что они забрали, и не сможем это развернуть. Мы сочимся сквозь, проваливаемся в Настоящий Мир.

Мрак поглощал мир за пределами пространства и времени и топил в себе надежды. Надежды на спокойную, тихую жизнь. Можно ли убежать от преследующих тебя монстров, можно ли скрыться в забытом уголке, можно ли победить в борьбе, и почему кому-то приходится убегать и сражаться? Кто преследует нас и с чем боремся мы? Что влечёт к нам злодеев, что притягивает в нас монстров, что заставляет нас всего этого бояться?

Ответ всегда прост, хотя мы не замечаем его. Победить монстра может только другой монстр. А он всегда

дремлет в каждом. Иногда его сложно разбудить. Мы прячем его глубоко внутри, держим в клетке, на привязи, на цепи, чтобы он не уничтожил прежде всего нас же самих. И чем крепче он спит, тем страшней. Мы-то знаем, на что способно животное, запертое в нас.

Монстр Кей подсчитывал уплывшее в Настоящий Мир.

— Эти списки будут загружены не полностью. Энергетические карты у трети объектов не имеют полных описаний.

Domino всматривался во Мрак, тёмная гладь которого покрывалась густым туманом.

— Они не получают такой мир, ни сейчас, ни потом. Сами не понимают, что делают. Как только мы включим Лунаторий, начнётся борьба за себя.

Монстр Кей смотрел на Мрак.

— Нас ждут тяжёлые времена.

Недоступно, где-то там, вдалеке, сверху, Лунаторий напоминал о жизни, которую раздавал всем. Эта энергетическая станция питала весь игрушечный, ненастоящий мир. Сердце Domino Energies.

Искусственный Parallax превратил жизнь Аномии в разрозненные пески, где части не связаны между собой,

пока их не соединят в одно, придав форму, значение и смысл тому, что впоследствии станет или не станет живым. Жизнь. Чем она измеряется? Как отмерить количество жизни, как оценить или взвесить её? У всех ли она одинакова? Сколько жизни подарит вам Domino Energies? И вообще, достанется ли вам жизнь, и что останется от неё?!

Оценить и измерить в итоге можно всё. Всё, что можно забрать, отнять, поделить, всё, что подразумевает собой слово «жизнь». Как процесс жизнь измеряется исключительно способностью жить. Удивительный дар, определяемый восприятием происходящего вокруг, который и есть само восприятие, и есть это «вокруг».

Что такое наш мир? Тот, который окружает нас? И что такое наше восприятие, то, которое нам открывает мир, который окружает нас? Видим ли мы, воспринимаем ли мы его одинаково или каждый по-своему? Видим ли мы все одно и то же, и должны ли?

Срах внимательно изучал объекты.

— Нам нужно место, которого нет на карте.

Симпатия остановилась.

— А зачем тогда нам нужна эта железяка?

Срах продолжал идти за Bromusом.

— Здесь нет без них и этих карт ничего.

— А что мы ищем?

— Первую точку.

Симпатия закатила глаза.

— Всего-то? Точку, одну, так это ерунда. Мы что, опять пришли в никуда?

— Эта должна светиться ярче всех остальных. И должна быть здесь. Масштабы карты специально нарушены. Эту часть легко не заметить и пройти, она чрезвычайно мала.

Симпатия подняла голову и посмотрела на Лунаторий.

— Срах, маяк там, нам нужно попасть туда, идти ещё далеко. Сколько уже идём, а он с места не сдвинулся в нашу сторону.

Срах подошёл к едва заметному блику.

— Масштабы нарушены. Видишь? Эта точка ярче всех остальных, это она.

Симпатия разглядывала точку, которая светилась ярче всех остальных.

— И как мы туда попадём?

Срах достал карту из Bromusa.

— Надо её сменить. Это обычная структурная складка.

Bromus крутился во все стороны. Симпатия испугалась.

— Что с ним?

Срах достал глаза Bromusa и вкрутил их в пустые дырки, на прежнее место, где они должны быть. Всё, что их окружало, стало медленно исчезать. Срах убрал карту Bromusa.

— Без карты он должен увидеть ничего. Это магнитный пузырь. Только объекты, которые никто не создавал.

Симпатия шла, оглядываясь по сторонам.

— Получается, нас с тобой?

Далеко впереди светилась та же яркая точка, только теперь вокруг неё больше не было никаких остальных.

— Скоро она будет не просто видна, мы спускаемся к ней.

Их окружала пустота.

— Сейчас мы идём сквозь слои, в глубину, эта точка находится не здесь, до неё надо дойти.

Симпатия не оглядывалась на всё, что могло ей

показаться вокруг, она не хотела провалиться ни в один слой и оказаться в одном из синтетических Фатомов, город уже имел несколько видов себя. Свет становился ярче, точка увеличивалась в размерах, вскоре они стояли перед светящейся стеной. Bromus остановился. Симпатия попыталась разглядеть пределы стены.

— Кажется, мы пришли. Дальше что? Как мы попадём внутрь?

Симпатия прижалась лицом к стене.

— Я не вижу ничего.

Не успела она закончить эти слова, как вскрикнула:

— Её нет! Это просто свет!

Стена оказалась неплотной, и они прошли сквозь её яркий луч, который постепенно угасал.

— Мы внутри, — прошептала Симпатия и схватила Сраху, — это где?

Срах показал на огромное световое табло «Domino Energies». Симпатия оглядывала вокруг. Это место светилось со всех сторон тусклым, мерцающим светом. Симпатия с любопытством осматривала его, не решаясь дотронуться. Он не казался плотным, но чем-то заранее пугал и отталкивал её. Срах уверенно куда-то шёл,

казалось, он знал это место хорошо. Симпатия не могла понять, видит она что-то или нет.

— Не пойму, свет есть или здесь темно?

Срах остановился.

— Этот свет тёмный, ты же видишь его.

Лучи потемнели, это был самый удивительный свет. Он застилал густой пеленой весь вид. Симпатия зашла в туман, она успела взять Сраху за руку, иначе он остался бы там, где стоял. Свет становился прозрачнее, но при этом как будто плотнее. Лучи превращались в облака, туман внезапно исчез. Симпатия продолжала идти, но полностью потеряла ощущение длины, ширины и высоты. Всё казалось далеко и близко, но определить или почувствовать расстояние Симпатия и Срах не могли.

— Даже не знаю, куда дальше идти. Нам ещё нужно найти какое-то место, куда мы шли?

Срах посмотрел вниз.

— Нам нужно туда.

Симпатия взглянула под ноги. Непривычное восприятие пространства она не могла в себе пробудить. Симпатия легла на поверхность, по которой шла, и пыталась сквозь неё одной рукой нащупать твёрдое дно.

— Мы висим! Под ногами нет ничего, по которому можно идти!

Симпатия решилась сделать несколько шагов вниз, и не случилось обычного. Они шли вниз. Симпатия развернулась, чтобы посмотреть наверх.

— Туда тоже можно идти?

Сраху не оказалось рядом. Симпатия побежала вниз.

— Как он успел так далеко уйти?

Наконец она увидела Сраху, и как только это произошло, она сразу же оказалась рядом с ним.

— Как я могла так быстро дойти, сделав пару шагов?

Плотность пространства не казалась напряжённой, будто это место могло до бесконечности вместить всё.

— Думаешь, мы вернёмся в Настоящий Мир? И всё это правда закончится?

Симпатия шла по тропинке, напоминающей хвост или шлейф, оставленный как намёк на пути. Их окружала рябь, подёргивающаяся колебаниями световых волн. Симпатия устала идти.

— Мы можем немного отдохнуть?

Срах побежал.

— Я вижу маяк!

Симпатия не видела ни одного сгустка пыли, вокруг была рябь, она струилась прозрачной волной, едва шурша. На ощупь что-то среднее, между воздухом и водой. Появилось неопрятное пятно, которое перемещалось с одного края горизонта на другой. Срах показал вперёд.

— Это он!

Симпатия обратила внимание на этот единственный возможный объект, который по каким-то причинам прыгал с места на место, и полностью не согласилась с предположением Срах о маяке.

— А он не должен стоять? Почему он дёргается туда-сюда?

Симпатия была удивлена. Они долго искали, и ей показалось, придётся только искать, она не готовилась найти, но и нашла не она. Срах бежал ни к одному из двух маяков, а чётко посередине, где не было ни одного из них. Пятно становилось крупнее, но его по-прежнему швыряло с одного края на другой.

— Почему не бежим туда, где оно стоит хотя бы

половину раз?

Они остановились. Перед ними неожиданно появился огромный Лунаторий.

— Как же нет? Это маяк номер один! Прямо перед тобой! А те два, его отражения от слик.

Срах уже бежал по лестнице на самый верх маяка.

— Сейчас он работает без модулей. Вот почему никто не может увидеть Везде. С картами они увидят Фатом!

Domino Energies.

Кнут показал Главному пустой экран. Главный нисколько не удивился.

— На что мне смотреть? Я вижу пустоту.

Вид Настоящего Мира отсутствовал. Кнут не имел других предположений происходящего во Мраке.

— Так и есть. Первый экстен. Это весьма слабая определённость. Зовут её пустота. В каком-то смысле, это то же самое, что сейчас, но в противоположном значении «есть».

В отличие от Главного и остальных, Кнут не видел во всём процесс, он всегда видел исключительно результат. В жизни он был неустойчивый, невпечатляющий, но его

было легко поменять. Пустота не предполагала итог, это бесконечное движение в никуда. Кто был в пустоте, мог понять обеспокоенность Кнута. Вечное стремление в нигде.

— Ты хоть представляешь, какая это жизнь? И мы идём именно туда. В неизвестность.

Главный не понял Кнута.

— Откуда мне знать? Я там не был никогда.

Он лукавил или сознательно врал. Там были все, но многие не хотели вспоминать. Кто доходил до самого конца, где заканчивается жизнь и исчезают мечты, где страхи растворяются и отпускают, где больше некуда и некому идти, не хотел возвращаться в никуда. Мрачный Мир, где хранятся шумы, блуждающие в искажённых разломах и сдвигах, пороки, изъяны, дефекты, всё, что смыло из жизни на берег пустоты, не жило, а вечно заканчивалось здесь.

Кнут отдал каждому в кабинете новые списки.

— Нас ждёт несложившийся мир, в котором каждый потеряет себя. Чтобы этого не произошло, придётся оставить здесь всё, что мешает преодолеть вам барьер себя.

Кугель остановился. Малышка вышла на недостроенную площадь Фатома. Она пощупала воздух. Странное ощущение, что-то не так, но вот что, она не могла понять. Малышка рассматривала руку и увидела несколько капель, в воздухе было много воды, слишком много, чтобы её можно было заметить, чтобы таким воздухом можно было дышать.

— Они задохнутся, когда поймут, что это вода.

Она включила Syntax. Он показал неопределённость тридцать четыре процента.

— С Bromusами проблемы.

Мир незаметно менялся, что-то происходило, но где-то внутри, не резко, не привлекая посторонних глаз, вызывая неприятное ощущение недоверия. Всё не то, чем кажется, и в любой момент готово удивить, напугать.

— Воздух, как и всё, имеет не те свойства, к которым мы привыкли. Значения, характеристики, параметры всего не определены. Стабильность пространства пятнадцать процентов, и вряд ли она изменится в лучшую сторону, в ту, с которой они смогут справиться. Никто из них не сможет ни одно значение удержать.

Здание Domino Energies расшатывалось и скрипело. Малышка положила Syntax на стол.

— Он бесполезно не реагирует на контент. Не хотела бы я увидеть мир таким. Всё может стать любым, каким захочет. Проснутся те, кто долго ждал, мечты, которые никто не разрешал.

Domino стоял у окна.

— Нас притягивает Мрачный Мир. Лучше тебе и всем остальным научиться решать и выбирать за себя, если, конечно, мы хотим остаться собой. Не все хотят, потому и не могут, заставить нельзя, можно только убедить.

Лунаторий. Маяк номер один.

Симпатия расхаживала по блоку актуации. Срах что-то искал на панелях управления.

— Она должна быть где-то здесь.

Симпатия стала искать вместе со Срахом.

— Что ты ищешь? Если бы, конечно, я знала, что мы ищем, нашли бы это быстрее.

Срах остановился и смотрел на кнопку. Симпатия подошла к нему.

— Значит, ты нашёл? Опять ты. И что это?

Симпатия прочитала «Пуск».

— Что случится, когда ты её нажмёшь?

Срах проверил исходные модули и энергетические карты объектов.

— Нажмёшь эту кнопку, и здесь всё на миг исчезнет, а через миг появится Фатом, со всеми его объектами, оживёт всё, что есть в этих картах, а другого не появится ничего. Лунаторий даст связность только этим объектам, остальные не смогут собраться.

Симпатия тут же нажала кнопку «Пуск».

— А что будет происходить целый миг?

Всё вокруг уже рассыпалось и исчезало. Симпатия смотрела, как тает маяк и она сама. До неё едва доносились слова Срах.

— Это будет не миг, а вечность. Но через миг Фатом вернёт тебя и меня, наши карты выдернут нас на поверхность из Настоящего Мира.

Симпатия вскрикнула:

— Мы что, отправляемся в Настоящий Мир? На миг? Или навсегда?

Последние слова Срах Симпатия уже не могла различить.

— Это вечность между мигами... Связывать миги не значит «жить» ... Это не значит ничего...

Через мгновение Симпатия огляделась по сторонам, но уже не увидела ничего.

— Тут же ничего нет! Мы попали в самое ничего!

Симпатия услышала крики и побежала.

— Не понимаю, они бегут за или передо мной?

Вокруг было темно. Симпатия бежала быстрее.

— Здесь же должен быть выход, или хотя бы вход.

Она уже устала бежать, как дорога повернула её резко вправо. Что-то неожиданно остановило Симпатию. Дальше она не могла пройти. Симпатия пригляделась и заметила знак «Стоп».

— Вероятно, там находится поверхность, ненастоящий мир.

Послышался звук тревоги, перед Симпатией вспыхнул яркий свет. Она смогла разглядеть столбы, стоявшие прямо перед ней.

— Ты подошла слишком близко к поверхности.

Кто-то начал тянуть её назад. Симпатия слышала

неотчётливо крики, что-то хватало и тащило её обратно в глубь темноты, откуда прибежала она. Свет впереди, за столбами, становился ярче. Огромные световые пятна мелькали перед ней. Они светились так ярко, что слепили её.

— Кто это? — не успела подумать Симпатия.

Кто-то, кто тащил её, тут же громко крикнул:

— Они уже здесь!

Вдали продолжали кричать.

— Канаты и цепи не выдерживают! Поднимайте столбы!

Симпатию отпустили. Она почувствовала, как что-то вытолкнуло её на свет. Она не смогла пошевелиться, будто застыла, онемела, прилипла. Через миг Симпатия с трудом сделала шаг, и окаменение вновь схватило её.

— Я застреваю в каждом миге, разве такое должно происходить?

Всё это время Симпатия не обращала внимание на происходящее вокруг, как неожиданно заметила Сраха, который стоял перед ней, и говорил что-то, вероятно, уже давно.

— Сейчас всё пройдёт. Мы включили маяк. Это Фатом.

Симпатия ощущала, как окаменение отпускает её. Каждый миг стал даваться легче. Вскоре она едва смогла заметить перерывы между мигами, они сливались в одну последовательную цепь.

Срах продолжал говорить.

— Это время. Ты привыкнешь. Миг, потом миг, и потом они уже не кажутся отдельными мигами. Ты будешь воспринимать время и перестанешь подвисать каждый миг. Последовательность у тебя определена. Ты должна постараться её изменить.

Симпатия разозлилась.

— У меня список? Я должна жить по расписанию? Я не могу сама выбирать?

Срах казался растерянным.

— У нас должно получиться. Правда, я никогда ещё не имел списка жизни. Очень непривычно.

Симпатия просмотрела свой список.

— Они хотят, чтобы я всё это думала, делала и хотела? Да я даже не буду начинать!

Симпатия старалась увидеть мир своим, но Фатом её не отпускал. Недовольная, она отправилась к Domino, по

пути разглядывая Фатом, но не представлять, не думать многое, из того, что было определено её списком, она не могла.

— Город как город. Обычный невозможный мир. Все знают свои жизни наперёд и довольны выполнять. Со мной такие фокусы не пройдут!

Domino Energies.

— Я хочу живые глаза! Эти не умеют смотреть!

Симпатия выбросила свои глаза и побежала, ударяясь об стенки и углы, она спотыкалась и падала. Монстр Кей поднял глаза Симпатии и проверил их силу. Грохот в коридоре не затихал. Симпатия билась обо все предметы и ругалась на отсутствие глаз. Она с шумом вернулась в кабинет. Монстр Кей протянул Симпатии глаза.

— У тебя вполне живые глаза. Можешь не переживать.

Симпатия поместила глаза на лицо и осмотрела всё вокруг.

— Ты ничего не менял? Что-то изменилось.

Монстр Кей отошёл в дальний угол.

— Что ты видишь перед собой?

Симпатия нахмурилась.

— Прямо сейчас? Тебя.

Симпатия повторяла все действия за Монстром Кей. Она постоянно повторяла себя за другими, чем надоедала, но делала это по причине того, что сама редко знала, что ей делать.

— Эти глаза бесполезны! Я не вижу ничего своего! Мне дали пустые глаза!

Симпатия внимательно вглядывалась в глубину, из всех сил представляла её, но кабинет не менял своего содержания.

Симпатия достала один глаз и ударила им по столу несколько раз.

— Да, не похож на стеклянный.

Она рассмотрела его вторым глазом и вернула на место.

— Они могут видеть всё, что я захочу?

В кабинет вошёл Domino. Монстр Кей открыл список Симпатии.

— Этого нет в её списке. Она не должна это делать и говорить. Все её акты не исполняются.

Domino помнил эту сцену.

— Всё повторяется. Мы не можем преодолеть память материи, даже здесь, за пределами Настоящего Мира.

Сцена с глазами произошла когда-то давно, в Вундском Лесу, и повторялась уже много раз. Список Симпатии не имел ничего из того, что сейчас она говорила и делала, что было одновременно и плохо, и хорошо.

Domino остановил Симпатию.

— Зачем ты это делаешь? Почему не по списку?

Симпатия расплакалась и села на пол.

— Это плохо. Всё плохо. Я не знаю, что с моей головой. Мне нет дела до списка, я справляюсь с ним, могу и без подсказок делать и говорить. Но у меня есть такое ощущение, будто не я сейчас делаю и говорю. Руки, ноги, голова делают всё сами и без меня.

Монстр Кей изменил список Симпатии. Она тут же вскочила.

— Щелчок. Только что я отчётливо слышала его. Новый список.

Симпатия вздохнула, подошла к окну и посмотрела вниз.

— Здесь высоко. Я не умею, а даже если и умела бы, не

хочу летать.

Монстр Кей изменил список Симпатии ещё несколько раз. Симпатия продолжала делать и говорить вовсе не то. Монстр Кей узнавал практически все реплики и сцены, которые Симпатия повторяла из прошлого, случившегося давно.

— Преодолеть список она может, память материи нет. Если ты начнёшь сейчас, думаешь кто-то преодолеет? Все мы по-твоему всё ещё существуем? Здесь ничего нового нет и не случится. Всё уже было. Мы лишь смогли это кино вновь и вновь запустить.

Domino не любил сомневаться и долго принимать решения, выбирать.

— Силы Света возвращают нас в Настоящий Мир. Если мы не научимся, нас ждёт рабство Мора.

Кнут смотрел на Мора.

— Ошибкой было решить избавиться от него, если до конца теперь это дело не довести. Мы уже уничтожили Настоящий Мир и теперь замурованы, превратились в бессмысленные метания, лишения и тупики. Чего ждать ещё? Думаешь, он нас простит? Он нас убьёт!

Кнут показал смутные очертания облака Мрачного

Мира.

— Это не пыль, хоть здесь и отсутствует привычная жизнь. Как только мы окажемся там, всё произойдёт быстро, нас не останется, и никто не вспомнит себя.

Главный смотрел в окно на приближающееся пятно Мрака.

— Я не хочу быть рабом. Думать, хотеть, чувствовать хоть как-то всё, что хочет другой за меня! Мне хорошо и так. Быть просто собой. Что вообще происходит? Будто весь мир принадлежит им! Мы так и будем просто наблюдать, пока они сваливают всех в одну кучу, где мы утратим свои ограниченные, индивидуальные «Я»?

Чувство обезличенности, ощущение потерянности, это последствия, с которыми остались мы, всё, что нам дало сознание и созданный им мир, всё, что ждало нас впереди.

Domino смотрел на Фатом. Его виды были почти прозрачны, но это можно было изменить, если какой-то из них ты хотел в целом или частично не замечать.

— Ни у кого из нас никогда не было своего мира. Можно ли что-то считать своим? Как появились мы?

Фатом, подобно океану, имел глубину. Фатом 1

находился на самом дне. С этой большой глубины, с самого тёмного дна, Domino смотрел на виды мечты, Фатом 2, Фатом 3, сколько их.

— Мы думаем, что сами выбираем свои жизни, но это не так. Даже мечты не принадлежат нам. Я хочу освободиться от себя. Кто знает, почему я такой. И всё, что такой я придумаю, вряд ли моя мечта. Мы боремся за мечты, но вот кто раздал их нам. Пора сбросить всё это с себя. Настоящий Мир или нет, мы должны преодолеть предел, память материи, чтобы освободиться. Одна точка или бесконечное эхо, будет продолжать держать нас, мы принадлежим ей, так думает она. У нас мало времени. Скоро никто не сможет управлять собой. Мы не будем управлять ничем в этом мире.

В этот миг здание Domino Energies стало ещё сильнее скрипеть. Загорелись огоньки на мониторах. Danger. Unsafe structure. Кнут проверил контент Фатома.

— У нас нестабильная реальность. Фатом 1, 5 и 28. Эмиттеры выведены из строя.

Все уже разбежались по своим местам, и суетились вокруг экранов.

— Фатом 5, структура реальности разрушена. Bromусы отключены. Необходимо пустить резервный шаблон.

На мониторе постепенно стала прорисовываться новая картинка мира Фатома 5, при условии, что новой можно назвать шаблон, который загружается при таких непредвиденных ситуациях. Этот шаблон включал типовые здания, несколько тематических комплектов и стандартный набор участвующих в жизни города динамических объектов.

Симпатия обрадовалась предоставленной возможности.

- Я постараюсь вернуть город, буду смотреть за всех!

Больше эта мысль никого не обрадовала, но Симпатия слишком хотела увидеть своё. Она бежала к Фатому 5. Исчезая из вида на поверхности, Симпатия заглядывала внутрь.

— Это же просто! Просто захотеть, и увидеть, всё, что ты хочешь!

Реальность продолжала исчезать. Кнут показал Domino пустые Фатомы.

— У нас осталось 14 эмиттеров. Остальные утрачены. Настойчивая активность параметров. По всем городам.

Познакомимся. Параметры. Некоторые объекты остаются закрыты, спрятаны внутри, их принято считать

несуществующими, игнорировать, не замечать. Это объекты, которые эмиттер не показывает. Они не являются частью реальности, их как бы нет. Парамеры часть аномального мира, и эта часть, как правило, вас не касается. Эмиттер позволяет полностью игнорировать их.

Есть неприятные вещи, стараешься что-то не замечать, не обращаешь совершенно никакого внимания, но многих не останавливает избирательность. Воздух был напряжён обилием парамеров, жители не понимали, откуда берутся, точнее, кто открывает все эти объекты в их мир, когда они должны оставаться где-то внутри.

Симпатия дрожала от холода, рассматривая сияющий пробел Фатома 5. Она знала, куда ведёт пустота, наполняющая его. Это вход в Мрачный Мир, который не видно со стороны. Там не существует её, никто не останется собой.

Разве можно повернуть время вспять и вернуть, что ушло? Уходит ли прошлое или мы попросту перестаём замечать его?

Симпатия смотрела в пустоту перед собой.

— Что нас ждёт там? Свобода или тотальный контроль?

Добро и зло всегда идут вместе, и чтобы отличить их, нужно знать только одно, на какой стороне находишься

ты, чтобы оправдать свои действия.

Всё проваливалось во Мрак озера Phial. Симпатия и Срах стояли на площади у здания Domino Energies.

— Кажется, началось!

Все смотрели на мониторы и ждали объявления Domino Energies. Монстр Кей не хотел торопить Domino, решение надо уметь принимать, и очевидно, Domino был готов своё решение огласить.

— Что такое объективная реальность? Они поймут, что её нет. Это то не существующее, к чему они просто привыкли, но мир не бывает таким.

Объекты исчезали, от них оставались пустые места. Мир словно разбирали на части, потроша и вынимая из плотности её сущность и требуху.

Объективно нормальный мир это лишь средняя характеристика любого объекта. Бывают ли деревья такого среднего размера, вида и цвета? Как выглядит тогда по-настоящему мир, если всё, что мы видим, это лишь среднестатистическая температура по нашей больнице?

Для жизни не нужны ни дороги, ни повороты, ни мосты. Это место, на котором мы ожидая стоим. Запасные пути.

В ожидании находились все. Они не видели мир, ждали, когда им помогут, расскажут, что именно надо видеть, на какой мир смотреть. Такого не должно быть. Хотя, многого быть не должно. Должно или не должно, приходится с этим жить.

Эмиттеры открывались один за другим, распахивались словно окна, выпуская стужу и зной. Если сделать в стене дыру, можно увидеть, что за ней. Эмиттеры это фильтр, не пропускающий сквозь себя в поверхностный мир то, что не замкнуто в его круге. И вот эти цепи разомкнули.

Монстр Кей достал часы.

— Моры ввели в состав списков один и тот же объект. Часы повсюду. Это нарушает связи в эмиттерах. Они открываются.

Вокруг и правда были повсюду часы. Они имели разную форму, выглядели странно и отличались друг от друга, но все они имели одну общую особенность, уникальную шкалу. Время 0 можно было найти на каждом варианте. Некоторые часы уже остановились, другие ещё продолжали идти, приближая отдельное время каждого к той черте, за которой отдельное исчезало как часть, и объединяло весь мир в одно, первичное время, самое первое.

Симпатия смотрела на часы, отстукивающие каждый вздох.

— Больше никаких вариантов не будет? Общий, целый, один? Значит, мы всё-таки встретимся со всеми?

Domino выглядел напряжённым, уставшим, измученным. Столько стараний, которые ни к чему в итоге так и не привели.

— Материя не утратила память. Она возвращает старые формы, которые мы по-прежнему не можем преодолеть. Жизнь уходит далеко вперёд, почему бы не идти за ней. Мы не будем возвращать прежний мир, старого больше не произойдёт ничего. Никаких «ещё раз».

Вариантов всегда было очень немного. На самом деле, только два. В Случайный Мир, в котором материя создаёт нас какими решает сама. Или списки, которые составляем мы, но это игра в кинотеатр, где мы на повторе лишь смотрим уже случившуюся жизнь, как кино. Освободиться от материи мы хотели давно, вот только не смогли до сих пор. Одна точка, иллюзия эхо, а мы внутри, взаперти, неспособные распоряжаться собой.

Почему мы способны на всё? Почему достаточно поверить и захотеть? Кто создаёт этот мир? Как на самом деле выглядит всё? Кому принадлежит каждый из нас,

этот мир, это всё, и может ли каждый распоряжаться собой?

Domino принимал решение быстро и легко. Это всем потом нелегко приходилось с этими решениями жить.

— Всё это по-твоему для чего? Hullabaloo и Слон не вернулись из Мрака. Нас там ждёт ничего. Но именно в это «там» мы попадём.

Domino подошёл к Монстру Кей.

— Мы хотели начать всё сначала, с нуля, а они возвращают нас туда, в котором не было смысла.

Монстр Кей и сам казался уставшим от всего.

— От Фатома осталась треть. Все, кто уцелел, невозможные. Не верят ни во что. Не верили и не поверят сейчас. Их ждёт Мор, ты не можешь с этим сделать ничего. Распоряжаться ими будет материя. Освободить не получится, хотя бы потому что времени у нас нет. Мрак пожирает Фатом.

На площади собрались жители города, который проваливался в Настоящий Мир. Высоко в небе висел маяк номер один, что осталось от него. Лунаторий тонул в темноте, медленно исчезая из вида, осталось не больше трети, он таял у всех на глазах. Неприятное

ощущение безысходности, безвыходности и неизбежности конца. Изменить, отложить или исправить уже ничего не получится. Это финал.

Domino вышел на площадь.

— Вы всё, что у нас осталось от прежнего мира, от прежней жизни. Нас немного, многие не спаслись. Не скажу, что нам повезло. За пределами Фатома Мрачный Мир, мы отправляемся домой, возвращаемся туда, откуда когда-то ушли. Мрак принадлежит Морам, нелепая жизнь. Вы должны быть готовы к этой встрече. Придётся сделать то единственное, что мы так и не сделали, хотя можем и должны. Перед тем как последние испытания начнутся, запомните, возможно всё, невозможного нет, и если вас нельзя переучить или убедить, проще убить ещё раз! Убивать столько раз, чтобы ни в одном не осталось невозможного и следа! Нам надо забыть обо всём, чтобы не оказаться в Невозможном Мире, и не превратиться в ЭХО от нас. Избавиться от памяти, от всего, к чему мы сами себя привели много раз. Если бы у жизни был конец, мир был бы проще. Но раз уж это не так, мы должны позаботиться о том, как именно проведём эту вечность. Освободиться от материи, от всего, научиться принадлежать себе и распоряжаться собой. Вы должны верить во всё! Мы будем убивать вас до тех пор, пока вы

верите в смерть!

Все молчали. А что тут можно сказать? Мы согласны, ведь это для нашего блага, для нас же самих, убьём всех. Как-то рот не открывается такое сказать. Не у всех. Симпатия подбежала к Domino и громко крикнула:

— Придётся долго мучить и убивать, чтобы выбить из вас всю невозможную жизнь! Надеюсь, вам надоест умирать, нам надо торопиться! Мрак уже здесь!

Монстр Кей сомневался в решении Domino. Впрочем, сомневались все, за исключением, разумеется, Симпатии, эта кукла не могла понять, что делает и думает человек.

— Идея безумная, они не готовы.

Domino не собирался останавливаться.

— Ты решил дать мне совет? Оставь разговоры, не до них. Мы долго ждали этого момента. Он настал. Лунаторий вот-вот остановится. Им придётся самим свою жизнь видеть и представлять. Такой шанс научиться верить в себя.

Жизнь уже растеклась. Мечты и страхи встретились здесь, на площади, они стояли и смотрели друг на друга в упор.

Domino устал бояться.

— Всё, что у нас есть, этот город, и мы. Лунаторий может отключиться в любой момент, и тогда мы сможем увидеть всё, что захотим. Этот город принадлежит нам.

Все смотрели вверх. Лунаторий полностью ушёл во Мрак. Domino и Монстр Кей быстро потерялись в толпе. Все стали меняться удивительным образом. Монстр Кей не узнал Domino.

— Мы выглядим достаточно уродливо, не находишь?

Все рассматривали себя. Симпатия чуть не захлебнулась от смеха.

— Тебе не привыкать, непривычно и всё! Ненужные части можно удалить или отдать.

Domino стал заметно выше других.

— Теперь мы готовы встретиться с нашим врагом и победить его. Смерть. Каждому придётся убить себя и помочь другому.

Не сказать, что все собравшиеся ждали с нетерпением, скорее с нежеланием растягивать такое удовольствие, как смерть, и ожидание её, в воздухе буквально дребезжала мысль «может быть уже начнём, все устали бояться просто так».

Это встряхнуло Domino. Последний момент он зачем-

то замедлил, растянул, но тут же действие вернуло его в смелый темп.

— Выпускайте Bromusов. Они вам помогут.

Монстр Кей следил за показателями степени материализации объектов.

— Падает, стабильно, уже третья.

Никто не ждал быстрых побед. Domino был готов к борьбе.

— Не дай ей подняться. Нам нужна первая. Тогда мы получим всё. Они должны разлетаться в разные стороны! Не могут сами, тогда рвите их!

Bromусы рвали всех на куски. Симпатия бегала и кричала:

— Срах! Чего стоишь? Помоги! Они не должны страдать!

Срах стоял в стороне. Вид крови его пугал. Симпатия пыталась оторвать от кого-то кусок.

— Эта часть тебе не нужна! Из-за таких как ты, мы не можем идти вперёд! Это не закончится никогда! Вы не должны бояться умереть!

Монстр Кей не волновался, и ничего не ждал. Если кто-

то не умеет долго что угодно делать или понимать, его нельзя заставить, научить, есть как есть, не всё можно переделать, изменить. В этих людях он не видел желание побеждать, они в принципе не хотели ничего, усталость покорила их сердца. Они устали с начала, с чего бы сейчас перестать.

— Мы не преодолеем световой барьер. Они слишком привязаны к себе. Материя держит их. Они каменеют на глазах. Мы теряем третью степень. Они не могут освободиться от списков, потому что пусты, ими управляют Bromусы.

Domino как будто любил раздражаться и злиться, казалось, он ищет повод повозмущаться или просто на кого-то поорать. Может, конечно, его окружали неправильные вещи, и он не мог молчать, не обращать внимание, излишняя требовательность делает невыносимой жизнь со всех сторон, но поводов было правда много всегда, их не надо было придумывать или ждать.

— Материя?! Это искусственный Parallax! Искусственная материя не может их держать! Они сами держат себя! Мне нужна вторая степень! Чем заняты Bromусы?! Они должны оставаться идеями и управлять собой! Не бояться ничего! Мы не вернёмся в Невозможный Мир!

Монстр Кей сохранял спокойный, безучастный вид.

— Мы их мало убивали, я тебе говорил.

Лицо Domino сияло яростью.

— Тогда убивайте ещё! Нам нужна первая степень материализации, чтобы освободиться от материи!

Материя абсолютное зло. Мы боремся за свободу, но с кем и от кого? Проще потерять рассудок, чтобы не думать ни о чём. Все повторяется день за днём, идеи м мысли, мечты и фантазии превращаются в жизнь, в хрупкий шёпот и страх, теряют себя, рассыпаются, бьются, исчезают и появляются опять. Одни и те же мечты, одни и те же фантазии и страхи, за пределы которых материя не позволяет выйти. Держит нас, новому не даёт случиться. Мы проиграли давно. Боимся, терпим и ждём. Чего? Всё не закончится, начнётся сначала, после того, как мы умрём.

Domino разочарованно смотрел на Фатом.

— Всех, кто не преодолел световой барьер, откатить.

Монстр Кей перестал наблюдать за происходящим, он изредка проверял показатели и выполнял команды Domino.

— Я тебе сказал, слишком рано. И это «рано»

останется с ними навсегда. Свобода им не нужна. Степень материализации не меньше третьей. Им дела нет, что делают с ними Bromusy. Они даже не сопротивляются. Вот увидишь, если умирать надо будет каждый день, они привыкнут и будут умирать.

Монстр Кей сказал это просто так, но Domino вдохновился. Идея что надо. Превратить жизнь в бесконечную смерть, чтобы заставить этих людей прекратить следовать списку, и вернуть свою жизнь себе.

— Им надоест умирать. Каждого вернуть в последний момент. Дай им этот миг столько, чтобы они устали жить. Дай им всё, что они хотят, ведь это немного, каждому тот момент, который никто из них не может прожить, на повтор, столько раз, чтобы они не захотели больше ничего, чтобы не цеплялись за жизнь. Мы уничтожили весь Настоящий Мир до последней точки, но даже здесь она держит нас, а там, у себя дома, сделает из нас своих рабов. Делай с ними что хочешь, если они не преодолеют световой барьер, останутся в плену навсегда.

Монстр Кей не считал себя реалистом, он исходил из самого непредсказуемого и нежелательного результата, потому что чаще всего в жизни всё происходит именно так. Развивается не в ту сторону, не с той скоростью, кажется, летит от планов непонятно куда.

— Избавиться от материи, может и получится, но точно не сейчас. До второй степени они не дойдут. Abaddon начинает исчезать. Две платформы уже отключены. И времени у тебя нет.

Мимо и Кнут стояли перед обрывом моста. Кнут давно не встречался с пустотой.

— Ты сейчас там, сколько именно? Что-нибудь от них передаётся этому тебе?

Обрывы вели в никуда. Дороги не было, но возникало ощущение пути, скрытого в тени, и не видел его лишь тот, кто не должен был о нём знать.

Мимо уходил во Мрак несколько раз.

— Я не знаю о других себя ничего, необычно, хотя объяснимо. Не уверен, вообще, что я уходил. Меня стало меньше, но их просто нет. Я не знаю, куда они делись.

Кнут смотрел на тот самый путь, который видел только он.

— Кто же думал, что пустота действительно существует.

За пределами обрыва не было ничего, по крайней мере видно снаружи, со стороны.

— Вероятно, в этом и суть. Чтобы снаружи не было

видно ничего. Какое-то мрачное пятно.

Кнут подошёл к краю обрыва, в сторону Мрака, перешёл черту и исчез для Мимо. Мимо не стал размышлять и шагнул вслед за ним в пустоту. Впереди их ждал плотный туман.

— Какое-то кошмарное место. И зачем мы идём туда?

Чем измеряется жизнь, можно ли взвесить и измерить её? Ведь у каждого она имеет свой собственный вес, его с лёгкостью можно изменить в любой миг. Сделать жизнь маленькой, незаметной, почти незначительной, или добавить ещё.

Что придаёт вам смысл, сделает значительным или бесполезным? Что теряет вас среди ваших соседей, друзей, отличает жизнь каждого, к чему сводится всё? Сколько стоит и стоит ли вообще ваш билет, ваше место и вы... Всё, что находится в вас, внутри, разумеется внутри, ведь снаружи, как оказывается, ничего нет. Всего лишь следы. Сила, способность нашего восприятия воздействовать на окружающий мир, и оставлять следы, и есть та энергия, которой измеряется и оценивается жизнь.

Мы привыкли называть вещи не своими именами, путать названия, в которых теряется смысл. Мы знаем, чем измеряется жизнь. Способностью её изменять.

Симпатия потеряла всех и не видела себя.

— Такого не может быть!

— Ты забыла себя? Иначе не стояла бы здесь.

Симпатия услышала и узнала Бекаса. Она оглядывалась по сторонам, но не видела ничего.

— Скажи, как ты это делаешь? Вновь и вновь. Зачем ты уничтожил наш мир, мы же не мешали никому?

Бекас дотронулся до её плеча.

— Наш? Он никогда не был твоим.

Симпатия слышала шаги и ей показалось, что они прошли коридор. Симпатия оглянулась, было тихо.

— Откуда он взялся?

Вопросы кружили в её голове. Шаги ушли вперёд, и Симпатия что было сил побежала их догонять.

— Ты передумала?

Голос Бекаса казался невероятно спокойным и даже уверенным. От Настоящего Мира не осталось ничего, одна точка, и для пустоты мир казался вполне живым, в каком-то смысле очень даже оформленным.

— Я окончательно не понимаю, что происходит! Может

быть, ты все-таки мне объяснишь?

— Открой глаза, — прошептал Бекас, — он повертел перед её лицом коробочкой, в которой Симпатия сразу же узнала Syntax.

Они продолжили идти и на этот раз почти всю дорогу Симпатия просто молчала и шла. Она хотела вспомнить историю, что-то понять, как внезапно её встревожил один вопрос:

— А где, собственно, Профессор?

Она надеялась его найти, продолжая следовать по пятам Бекаса. Она ждала, что он её приведёт туда, где будет всё, туда, где будут ответы и, разумеется, Профессор. Они остановились у озера и спустились вниз по лестнице, которая вела от середины озера сквозь открытый Phial вниз.

Симпатия закрыла глаза и упёрлась в стену. Она тут же настороженно открыла сначала один глаз, потом другой, и увидела предупреждающий знак.

— Вундский Лес. И что мне делать?

Симпатия сделала шаг назад. Бекас продолжил идти.

— Это Настоящий Мир. Тебя там нет, но там ты увидишь всё, и даже встретишь ту себя, которую у тебя забрали.

Там ты сможешь увидеть всё, тем более то, чего по их мнению нет.

В этот самый момент в голове Симпатии пролетели странные сцены её жизни, которые прежде она не встречала в себе.

— Я не смогу вернуться обратно?

Симпатия слишком любила Профессора и всё, что было спрятано и скрыто от неё, поэтому недолго думая, она вошла.

— Какие странные ощущения.

Симпатия подпрыгнула от лёгкости, и чуть не улетела вверх.

— Немного добавь краски и яркость, остальные эффекты вот здесь.

Бекас сунул ей в руки Syntax, самый первый прототип устройства, с которого в Вундском Лесу все началось. Приятное чувство воспоминаний, память, сразу же охватили её.

— А что я буду делать без Syntaxa?

Срах улыбнулся и подошёл к Симпатии.

— И куда же он по-твоему денется?

Симпатия хотела дотронуться до Сраха, но её рука прошла сквозь него.

— Я так и думала, вы все здесь ненастоящие! Нематериальный мир. Вроде бы всё есть, но подозрительно не кажется реальным. Значит, пентамеры.

Мало кто видел Domino встревоженным, беспокойным, утратившим дух, волю, желание и настрой. Откуда берётся воля, почему кто-то способен на всё, стоишь рядом, смотришь и удивляешься, внешне никогда не скажешь, сколько и что находится у кого внутри. А если и скажешь, наверняка промахнёшься, но что-то прячется где-то глубоко и до последнего не показывается на поверхности, пока не дойдёт до смелых поступков и мерзких дел.

Фатом рассыпался, точки искусственного Parallaxа выключались.

Монстр Кей вздохнул.

— Мы знали, что это случится. Возможно, нас уже нет.

Мир за пределами пространства и времени исчезал.

— Мы прекратили Parallax. Настоящий, ненастоящий, избавились от иллюзии ЭХО, от материи, осталась одна единственная настоящая точка, а в ней настоящий нематериальный мир. И всё это не привело нас к свободе,

вот увидишь, её для многих нет.

Мир ненадолго исчез, но всё появилось опять. Монстр Кей оглядывался по сторонам, пытаясь разглядеть частички ЭХО.

— Вот мы и дома.

Монстр Кей и Domino шли по медленным улицам, разглядывая растянутый темп, в котором застыла ненастоящая нематериальная жизнь. Всё растянулось, размазалось, превратилось в вялое и сопливое желе. Будто кто-то замедлил весь ход, и машина медленно продолжила ползти. Теперь все они находились поистине взаперти. Осознавали, думали, понимали, но ничего не могли. Парализованные волей они находились где-то внутри своих слабых лишённых движений и мыслей тел.

Монстр Кей хотел сдвинуть кого-то с места, но так и не смог.

— Они похожи на куклы, у которых закончился завод. Я не могу сдвинуть с места ни один объект.

Все и правда прилипли к чему-то, к пространству, в котором повисли и медленно, едва заметно, продолжали жить. Domino проходил сквозь объекты, на миг погружаясь в их жизнь.

— А ты чего ждал? Они не могут сами выбирать, не знают из чего. Внутри пустота. И теперь сами с собой они сделать больше не смогут ничего. Ты прав, куклы. Можешь поиграть с любой. Пусть вот этот идёт.

Человек, на которого показал Domino, куда-то пошёл.

— Так и будет идти, пока Хозяин не захочет чего ещё. Сам не может, бедолага, решать. Они привыкли что это за них делает кто-то другой. Только вот раньше никто об этом не знал, или делал вид. Теперь они ждут Хозяина. Мы избавились от иллюзии. Каждый знает, кто он, кто Хозяин, кто кукла, кому кто принадлежит, и кто распоряжается не только собой. Ты видишь в этом свободу?

Всё казалось игрушечным, ненастоящим, нарисованным, неживым. Доносились разные звуки, но они напоминали отражение голосов, слова пролетали по воздуху, расплываясь в пути. Запахи мутными пятнами расползались в разные стороны облаками выцветших тусклых тонов. Улыбки медленно растягивали лица, а глаза тяжело закрывались и не спеша открывались, скрипя. Насекомые были приклеены к воздуху, птицы не летели, а изображали полёт. Всё изображало себя, искривилось в позициях, на местах, и с трудом изменяла свой заторможенный вид. Картинку сомкнуло. Вид

остался от жизни, такой причём грустный, будто это последний кадр, на котором закончился фильм.

Их ждал совсем другой мир. Мир, в котором нет ничего объективного, кто-то останется куклой и будет ждать Хозяина. Можно ли сказать, что это мир, если никто не знает, что находится перед тобой, кто ты, и что будет потом. Мир, в котором мы все потеряем себя, потому что сами уничтожили всё.

Но есть в свободе такая черта, цена, которую надо заплатить. Кому нужен свободный мир, где дважды два сколько хочешь, и нет никаких последствий выбранного пути, где мысли свободны и не определены. Это сложная, никому ненужная, беспокойная своя собственная жизнь. Хозяева искали с кем поиграть, и куклы уже не могли ничего изменить.

Может быть свобода именно в том, чтобы она, как и все мечты, оставалась где-то там, далеко, впереди, пока мы готовимся к ней подойти.